Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Южный Рабочій

№ 11 ЯНВАРЬ 1903

„Дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ".

Въ № 10 „Южн. Раб.". была помѣщена статья, касавшаяся организаціи мѣстныхъ комитетовъ и партіи. Хотя она не исчерпывала всего вопроса, однако мы не думали, что намъ придется такъ скоро вернуться къ нему, и именно къ той его сторонѣ, которая наиболѣе сложна, наименѣе устранима; мы имѣемъ здѣсь въ виду отношенія между интеллигенціей и рабочими. Насъ побуждаетъ взяться за разсмотреніе этого вопроса появившаяся недавно брошюра „Рабочіе и интеллигенція", которая требуетъ отвѣта, отвѣта немедленнаго и опредѣленнаго. Мы дѣлаемъ это неохотно, но не потому, что придерживаемся правила „сору изъ избы не выносить". Наоборотъ, мы полагаемъ, что ни одно больное мѣсто нашей дѣятельности не должно быть скрыто. Мы должны постоянно указывать: здѣсь язва, а здѣсь—здоровое, полное жизни тѣло. Мы слишкомъ вѣримъ въ силу и жизненность нашего движенія, чтобы бояться чужого глаза. И если мы все-таки неохотно беремся говорить объ отношеніяхъ между интеллигенціей и рабочими, то лишь потому, что вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, съ одной стороны слишкомъ сложенъ, слишкомъ тѣсно связанъ съ глубокими основами современнаго строя вообще и русской жизни въ частности, съ другой — находится въ зависимости отъ настоящаго состоянія нашей дѣятельности. Здѣсь нужно не говорить, а дѣлать. Достаточно говорилось о нашей дезорганизованности и разрозненности — пора сдѣлать серьезныя попытки къ ихъ устраненію. Мы убѣждены, что вся острота отношеній между интеллигенціей и рабочими, которая наблюдается въ настоящій моментъ, сгладится съ исчезновеніемъ господствующаго теперь разброда, хотя, конечно, не наступитъ „на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе".

Прежде, чѣмъ перейти къ самому вопросу, мы вкратцѣ изложимъ содержаніе упомянутой брошюры. Она можетъ быть раздѣлена на 2 части. Въ первой содержатся два заявленія „петербургскаго комитета рабочей организаціи" и письмо одного петербургскаго рабочаго. Во второй—статья по поводу письма и замѣтка по поводу заявленій. Мы пока оставимъ автора статьи и замѣтки — съ нимъ мы поговоримъ ниже, здѣсь же мы займемся нашими петербургскими товарищами. Въ заявленіяхъ „комитетъ рабочей организаціи", во-первыхъ, протестуетъ противъ поведенія Петербургскаго комитета соціалдемократической партіи, признавшаго безъ вѣдома перваго своими руководящими органами „Искру" и „Зарю", во-вторыхъ, объявляетъ о своемъ намѣреніи руководствоваться въ своей дѣятельности правиломъ, „что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха рабочей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса". Поэтому-то комитетъ рабочей организаціи находитъ, „что отнынѣ Рабочая организація во главѣ со своимъ комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности „Петербургскаго Союза Борьбы". Та же приблизительно идея проводится въ письмѣ петербургскаго рабочаго. Онъ находитъ, что рабочимъ „необходимо самимъ умѣть дѣлать все", что у насъ по большей части всѣмъ дѣломъ орудуютъ интеллигенты, которые „не заботятся о самодѣятельности рабочихъ". Комитетъ рѣшаетъ самъ всѣ дѣла. Словомъ, рабочимъ необходимо самимъ „все знать" и умѣть, имъ нужны „не няньки, не командиры, а товарищи". Мы пока прерываемъ изложеніе письма, такъ какъ все сказанное достаточно передастъ основную мысль его. Какъ авторъ письма, такъ и комитетъ рабочей организаціи, стараясь придать своимъ мыслямъ большій вѣсъ, ссылаются на знаменитыя слова Маркса: „Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ".

„Уже давно сказаны эти слова, а между тѣмъ до сихъ поръ ихъ мало понимаютъ". Такъ начинается письмо питерскаго рабочаго. Мы не согласны съ нимъ. Есть очень и очень много людей, уже давно прекрасно понявшихъ эти слова. Кто дѣйствительно ихъ не понимаетъ, такъ это самъ авторъ письма, и комитетъ петербургской рабочей организаціи, и другіе ихъ единомышленники. Всѣ эти радѣтели о самодѣятельности „рабочаго класса" сдѣлали бы гораздо лучше, если бы не ссылались на эти слова Маркса, такъ какъ они этимъ только порочатъ доброе имя нашего учителя. Но не будемъ особенно винить петербургскаго рабочаго. Вина вся падаетъ на тѣхъ руководителей (а что здѣсь дѣло не обошлось безъ ихъ рукъ—это намъ достовѣрно извѣстно), которые эксплуатируютъ недостаточное пониманіе рабочихъ, внушая имъ невѣрныя мысли и закрѣпляя эти мысли въ ихъ умѣ неправильнымъ толкованьемъ фразы авторитетнаго учителя.

Что означаютъ слова: „Дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ?" Эти слова—золотыя слова, и мы совѣтуемъ вамъ, товарищи, вѣчно помнить ихъ. Они были произнесены сорокъ лѣтъ тому назадъ и знаменуютъ собою переворотъ во всемъ рабочемъ и соціалистическомъ движеніи. Въ этихъ словахъ заключается весь смыслъ, вся сущность современнаго рабочаго движенія. Во всѣхъ бывшихъ до того революціяхъ, особенно въ революціи 1789 и 1830 годовъ (во Франціи) рабочій классъ принималъ самое дѣятельное участіе, боролся въ первыхъ рядахъ, проливалъ больше всѣхъ крови, но всегда вынималъ каштаны изъ огня для пышнаго стола буржуазіи. Это не значитъ, что рабочій классъ ничего не выигралъ въ этихъ революціяхъ. Уничтоженіе политическаго гнета, водвореніе всевозможныхъ свободъ (свободы собраній, союзовъ, печати), обезпеченіе неприкосновенности личности — всѣ эти неоцѣнимыя блага, приносившіяся за всякой революціей, вкушались и рабочими; но эти революціи не только не затрагивали основного зла современнаго общества — дѣленіе его на наемныхъ, ничѣмъ не обезпеченныхъ рабочихъ и на пожинающихъ плоды чужого труда капиталистовъ, но даже не пробуждали въ рабочихъ пониманья коренной причины ихъ жалкаго положенія; рабочіе надѣялись получить „царство небесное на землѣ" изъ рукъ молодой буржуазіи, на устахъ которой еще были слова: „свобода, равенство и братство". Но рабочій классъ горькимъ опытомъ убѣдился, что не отъ кого ему ждать помощи. Вышеприведенныя слова Маркса вы-

ражаютъ въ ясной и опредѣленной формѣ этотъ горькій историческій опытъ. Современное общество—говорятъ эти слова—дѣлится на два непримиримыхъ лагеря: классъ капиталистовъ и классъ рабочихъ. Они непримиримы потому, что одинъ классъ основываетъ все свое существованіе на существованіи другого. Развѣ могутъ капиталисты отказаться отъ эксплуатаціи рабочихъ? Отказаться отъ эксплуатаціи, это для класса капиталистовъ значитъ рѣшиться на самоубійство. Отдѣльный человѣкъ можетъ покончить съ собою, но цѣлый классъ не можетъ добровольно обречь себя на смерть. Но мало того: классъ капиталистовъ не только эксплуатируетъ рабочихъ, онъ старается все болѣе и болѣе усиливать эту эксплуатацію. Вѣчная конкурренція среди самихъ капиталистовъ, дающая перевѣсъ обладателю болѣе крупнаго капитала, заставляетъ всякаго изъ нихъ все болѣе и болѣе расширять производство. Но расширеніе производства возможно только при увеличеніи капитала, а увеличеніе капитала — только при усиленіи эксплуатаціи. Вотъ неумолимый законъ современнаго общества. Что же остается рабочему классу? „Дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ"—вотъ отвѣтъ. Рабочій классъ долженъ отказаться отъ всякой мысли ожидать спасенія отъ буржуазіи, отъ класса капиталистовъ. Не вѣрьте поэтому тѣмъ, которые говорятъ, что интересы рабочихъ и капиталистовъ одинаковы. Не вѣрьте современнымъ правительствамъ (особенно русскому), которыя якобы пекутся о благѣ „трудящихся массъ". Не вѣрьте попамъ и ксендзамъ, которые стараются изо всѣхъ силъ (особенно заграницей) затуманить глаза рабочимъ своей фарисейской проповѣдью „братской христіанской любви". Не вѣрьте всякимъ, даже совершенно искреннимъ благотворителямъ, которые своей милостью желаютъ смягчить „неумолимые законы природы". Не вѣрьте всѣмъ имъ, потому что они всѣ сознательно или безсознательно хотятъ васъ превратить въ смиренныхъ овечекъ, чтобы удобнѣе было стричь.

Вотъ что означаютъ великія слова нашего великаго учителя. Зачѣмъ же вы дѣлаете изъ нихъ такое скверное употребленіе? зачѣмъ вы злоупотребляете дорогимъ для всѣхъ насъ именемъ? Рабочій классъ долженъ взять свою судьбу въ свои руки. Рабочій классъ... понимаете, а не вы: Иванъ, Степанъ и т. д. Это значитъ, что необходимо 1) чтобы единичная борьба отдѣльныхъ рабочихъ или группъ превратилась въ сознаніи рабочихъ и въ дѣйствительности въ борьбу цѣлаго класса рабочихъ противъ цѣлаго класса капиталистовъ, необходимо, слѣдовательно, чтобы рабочіе сознали себя какъ одинъ классъ, интересы котораго не примиряются ни въ какомъ случаѣ съ интересами другихъ—эксплуатирующихъ классовъ. 2) Чтобы рабочіе сознали ясно причину ихъ теперешняго положенія и возможность ея устраненія и 3) Чтобы они преисполнились страстнымъ желаніемъ освободить себя и приступили къ борьбѣ за это освобожденіе, т. е. къ борьбѣ за достиженіе политической власти. Только достиженіе ея дастъ рабочему классу возможность освободить себя отъ всякаго гнета. И вотъ по мнѣнію петербургскаго комитета рабочей организаціи и его единомышленниковъ, выходитъ, что эти истины перестаютъ быть таковыми, если ихъ приноситъ въ рабочую массу Иванъ безъ мозолистыхъ рукъ, что этого „интеллигента", который зоветъ рабочій классъ къ борьбѣ за освобожденіе, который отдаетъ себя всецѣло на служеніе рабочему классу, нужно гнать потому, что „дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ".

Хочется вѣрить, что это одно лишь недоразумѣніе. Вѣдь подумайте сами. Необходимо, чтобы рабочіе сознали свои классовые интересы, т. е. не мелочные интересы минуты, интересы отдѣльныхъ лицъ или группъ, а интересы всего рабочаго класса, т. е. какъ лучше, скорѣе и надежнѣе освободить навсегда рабочій классъ отъ необходимости быть эксплуатируемымъ, какъ поднять его человѣческое достоинство, какъ уничтожить дѣленіе людей на „бѣлую кость" и „черный народъ". Но это ясное сознаніе не съ неба свалится. Оно появляется сначала у отдѣльныхъ лицъ и какъ разъ не изъ рабочаго класса. Чтобы додуматься, дойти до этихъ истинъ, необходимо глубокое пониманіе жизни, исторіи и много другого, а рабочій классъ находится какъ разъ не въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, чтобы въ самомъ началѣ движенія выдвинуть много лицъ высоко развитыхъ. Правда, чѣмъ дальше, тѣмъ культурное развитіе идетъ все больше впередъ, тѣмъ больше увеличивается число развитыхъ рабочихъ. Въ этомъ мы видимъ залогъ прочности нашего движенія и въ этомъ мы видимъ залогъ лучшаго будущаго. Но мы все-таки считаемъ глубочайшей и вреднѣйшей ошибкой предположеніе, что увеличеніе числа образованныхъ и развитыхъ рабочихъ означаетъ выбрасываніе интеллигентныхъ силъ изъ рядовъ борцовъ за лучшее будущее. Необходимо, повторяемъ, ясное классовое сознаніе, но это предполагаетъ, что во главѣ рабочаго класса стоитъ группа интеллигентныхъ преданныхъ и высоко развитыхъ людей, всецѣло и самоотверженно посвящающихъ себя служенію великому дѣлу освобожденія рабочаго класса, проясняющихъ сознаніе рабочихъ, руководящихъ борьбой рабочаго класса, охраняющихъ рабочій классъ отъ всякихъ поползновеній другихъ группъ и классовъ, которые стремятся затуманить ихъ сознаніе. Этотъ отрядъ передовыхъ борцовъ ставитъ себѣ задачей превратить всѣхъ рабочихъ въ такихъ же борцовъ, но онъ все-таки помнитъ, что моментъ этотъ очень далекій, и потому сейчасъ же беретъ на себя смѣлость и отвѣтственность звать и руководить борьбой рабочаго класса. А въ этомъ отрядѣ мы не имѣемъ права требовать у кого бы то ни было паспорта, спрашивать, кто его отецъ, чѣмъ онъ занимается, — намъ необходимо только ясное и опредѣленное сознаніе цѣлей и средствъ борьбы, глубокая преданность и достаточно высокое

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ВЪ БОРЬБѢ.

Не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ мертвецамъ,
Воздайте имъ лучшій почетъ:
Шагайте безъ страха по мертвымъ тѣламъ,
Несите ихъ знамя впередъ...

Длинная узкая комната съ голыми стѣнами похожа скорѣе на корридоръ. Свѣча, воткнутая въ узкогорлую бутылку изъ-подъ малаги, невѣдомымъ чудомъ попавшую на грязный деревянный столъ, еле озаряетъ ее своимъ мигающимъ свѣтомъ. Трепетныя пятна свѣта придаютъ странное оживленіе мужскому портрету, приколотому къ стѣнѣ булавкой и видимо наскоро вырѣзанному изъ дешевой уличной газеты. Ближе къ освѣщенной части комнаты, у стѣны, стоитъ дѣтская кроватка. Въ ней спитъ мальчикъ лѣтъ трехъ. Дальше за кроваткой, сливаясь съ темными тѣнями въ углу, холодная желѣзная печка. Напротивъ—широкая двуспальная кровать. Въ комнатѣ неуютно и пусто.

Молодая женщина безпокойно ходитъ изъ угла въ уголъ. Мужъ ушелъ съ десяти часовъ утра и до сихъ поръ его нѣтъ... Нѣтъ, онъ вернется... Ахъ, нѣтъ, онъ вернется. Онъ далъ слово... Безумная тревога гонитъ ее съ мѣста и она снова повторяетъ себѣ свои убѣжденія. Звонкія капли оттепели, срываясь съ крышъ, ударяются о тротуаръ пустынной улицы; она принимаетъ ихъ за шаги прохожаго и вздрагиваетъ. Гдѣ-то внизу скрипитъ дверь и съ шумомъ захлопывается. Она останавливается и вздрагиваетъ. Но звонки застываютъ въ вечерней тишинѣ большого дома. И женщина снова съ лихорадочной торопливостью продолжаетъ свою прогулку.

Онъ далъ слово не драться... Пусть тамъ стрѣляютъ, онъ вернется домой. Онъ только купитъ хлѣба и мяса. Но если онъ не придетъ?... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. На улицахъ смятеніе, и гдѣ-нибудь онъ задержался. Гдѣ-нибудь нельзя пройти. Работы пріостановились, народъ на улицахъ. Онъ долженъ повидаться со всѣми. Онъ любитъ говорить... Въ десять часовъ утра онъ ушелъ. До мясной лавки полчаса ходьбы — теперь можетъ быть часъ — и десять минутъ до булочной. Туда и обратно полтора часа. Но онъ зайдетъ къ Моро за деньгами. Правда, ювелиръ закрылъ лавочку и рыщетъ неизвѣстно гдѣ. Навѣрно устраиваетъ темныя дѣлишки... Но онъ застанетъ тетку Луизу. Она цѣлый день лежитъ на по-

развитіе. Всякій, обладающій этими тремя качествами, имѣетъ право вступить въ ряды борцовъ, и чѣмъ больше интеллигентныхъ (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) лицъ (слѣдовательно, и „интеллигентовъ") будетъ входить въ этотъ отрядъ, тѣмъ лучше, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ проясненіе сознанія рабочаго класса, тѣмъ оно будетъ глубже, тѣмъ труднѣе будетъ сбить рабочихъ съ толку посторонним течеміямъ, тѣмъ легче будетъ рабочимъ справиться съ разными препятствіями на ихъ трудномъ пути. А вы, петербургскіе товарищи (да не вы одни, но и авторъ статей въ брошюрѣ „Рабочіе и интеллигенція"), смѣшиваете себя со всѣмъ рабочимъ классомъ. Вы только ласточки грядущей весны, вы только единицы. Вы говорите о самодѣятельности „рабочаго класса", а подставляете вмѣсто этого свою самодѣятельность. Мы прекрасно понимаемъ, что въ рабочемъ классѣ даже у насъ въ Россіи пробуждается нѣкоторое (правда еще слабое) стремленіе къ самодѣятельности. Мы знаемъ, что оно будетъ расти, что пробужденіе гражданскихъ чувствъ, жажда дѣла и знанія будетъ все увеличиваться и расширяться. Но, товарищи, въ этомъ одно изъ глубочайшихъ и, если хотите, драгоцѣннѣйшихъ противорѣчій современнаго строя вообще и русской жизни въ частности. Это противорѣчіе существуетъ и въ Западной Европѣ. И тамъ рабочій классъ не въ состояніи сколько-нибудь удовлетворить пробудившіеся въ немъ запросы. И тамъ онъ принужденъ большую часть дня тратить на то, чтобы служить придаткомъ къ машинѣ; и тамъ поэтому большинство руководителей соц.-дем. движенія состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ по своему происхожденію къ другимъ классамъ. Если имѣются руководители изъ рабочаго класса, то они уже давно перестали быть рабочими и превратились въ „интеллигентовъ" (Бебель, Ауэръ и др.) Да, повторяемъ, это — одно изъ главныхъ противорѣчій, которыя, конечно, значительно смягчены въ Западной Европѣ, благодаря свободѣ, существующей тамъ, благодаря правамъ, которыя завоевалъ себѣ рабочій классъ, благодаря его высокому развитію, котораго ему удалось достигнуть при указанныхъ выше условіяхъ (свобода и права). Но у насъ это противорѣчіе выступаетъ во всей своей рѣзкости. При возмутительномъ безправіи, при невѣжествѣ, безграмотности, при полномъ господствѣ полицейскаго произвола, при полномъ отсутствіи какихъ-либо гарантій неприкосновенности личности, при полномъ пониженіи всѣхъ и каждаго, о какой „самодѣятельности" рабочаго класса можетъ быть тутъ рѣчь? Нѣтъ, товарищи, въ этомъ и цѣнность настоящаго противорѣчія. Въ рабочемъ классѣ пробуждается стремленіе къ самодѣятельности, онъ сознаетъ себя гражданиномъ, человѣкомъ; но путы нашего самодержавнаго режима не даютъ выхода этимъ стремленіямъ. И прекрасно! Столкните рабочій классъ съ этими путами и онъ разорветъ ихъ. Обострйте это противорѣчіе. А вы... что вы предлагаете? Вы предлагаете создавать какія-то мифическія рабочія организаціи, которыя могутъ въ лучшемъ случаѣ охватить сотни сознательныхъ рабочихъ, и думаете, что вы призвали „къ самодѣятельности" рабочій „классъ". Другіе изъ вашихъ единомышленниковъ предлагаютъ всѣмъ рабочимъ объединиться въ кассы, внося хоть „по 2 коп. съ заработаннаго рубля". Вы, сами того не зная, играете на руку врагамъ, такъ какъ вмѣсто обостренія противорѣчій, вмѣсто того, чтобы заставить рабочій классъ почувствовать во всей силѣ удары бьющихъ его по ногамъ оковъ, вы затуманиваете ему глаза какой-то мнимой „самодѣятельностью". Или вы дѣйствительно настолько наивны, что думаете объединить значительную часть русскаго пролетаріата въ тайное революціонное общество?

Нѣтъ, товарищи, отъ искренняго сердца говоримъ мы вамъ: много потеряетъ петербургское рабочее движеніе, если, какъ вы говорите, „рабочая организація во главѣ со своимъ комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы". Руководящую роль должны играть тѣ, которые способны руководить. Петербургскій „Союзъ Борьбы" представляетъ составную часть Россійской Соц.-дем. рабочей партіи. Поэтому руководящую роль въ немъ должны играть вполнѣ сознательные соціалдемократы, люди, которые по своему умственному развитію, по теоретической подготовленности и по своей опытности способны къ такой роли. Изъ кого они будутъ состоять—изъ рабочихъ или интеллигентовъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—это совершенно безразлично. Почему такіе люди имѣются исключительно въ „Рабочей организаціи"? Почему избранный ею комитетъ какъ разъ будетъ обладать этими качествами?

Петербургскій товарищъ (авторъ письма) можетъ, конечно, сейчасъ возразить намъ: значитъ вы противъ избирательнаго начала? значитъ вы противъ демократизма? „Какъ можно вносить царизма въ дѣло свободы? Значитъ, на дѣлѣ вы оказываетесь плохими соціалистами, если такъ думаете" („Раб. и интеллигенція", стр. 7). Всуе употребляете вы здѣсь слова свободы и царизмъ. Свобода и демократизмъ намъ одинаково дороги, какъ и вамъ, и мы не менѣе васъ готовы бороться за нихъ. Царизмъ намъ не менѣе ненавистенъ, чѣмъ вамъ. Но чего мы дѣйствительно не терпимъ — это игры въ свободу, игры въ демократизмъ. Свобода и демократизмъ предполагаютъ полную гласность. Но развѣ это возможно при нашей конспиративной дѣятельности, когда основнымъ правиломъ для всякаго революціонера должно быть „знать только то, что ему необходимо въ кругу его дѣятельности". Демократизмъ предполагаетъ, что каждый избранный дѣйствуетъ на виду у всѣхъ, виденъ всегда всѣмъ, что за его дѣятельностью могутъ слѣдить всѣ. Неужели вы, товарищи, не знаете, что ничего подобнаго въ революціонной дѣятельности у насъ въ Россіи быть не можетъ.

А то, что вы говорите о командирахъ и нянькахъ, на это отвѣчать не стоитъ. Мы не думаемъ оправдывать безтактныхъ

стели опухшая, неряшливая. Всѣ жалуется, что революція совсѣмъ разорила ихъ... Тамъ онъ останется, можетъ быть пообѣдаетъ. Еще часъ-два. А теперь? Три, хочетъ она обмануть себя. Но сѣрый февральскій сумракъ непривѣтливо смотритъ въ крошечныя окна ея мансарды и настойчиво напоминаетъ, что часъ теперь поздній. Женщина съ тоской закрываетъ лицо. Нѣтъ, о нѣтъ, онъ вернется.

Она нерѣшительно останавливается около печки. Тамъ въ углу свалены легкіе продолговатые картоны, полные шелковыхъ обрѣзковъ, бархата, мелкаго стекляруса, разноцвѣтной синели. Она открываетъ верхній картонъ, сдувая съ крышки пыль и вынимаетъ цвѣточные листья и лепестки всѣхъ цвѣтовъ. Бережно застилая столъ бѣлой бумагой, она ловкими движеніями развертываетъ гибкую проволоку, клубокъ зеленаго блестящаго шелка и склоняетъ надъ столомъ голову. Комната точно озаряется сіяніемъ чуждой ей красоты. Подъ тонкими проворными пальцами цвѣточницы расцвѣтаютъ прелестныя блѣднорозовыя маргаритки, фантастическія кровавыя фуксіи, нѣжные, правильные нарцисы на зеленыхъ стебляхъ съ золотистой коронкой среди бѣлоснѣжныхъ лепестковъ, крошечныя незабудки нѣжныхъ голубыхъ тоновъ, спрятанныя въ перистыхъ темнозеленыхъ папоротникахъ. Тонкая эластичная проволока, точно проворная зеленая змѣйка, извивается въ ея блѣдныхъ пальцахъ. Силу своей тоски женщина растрачиваетъ въ мелкихъ, болѣзненно-быстрыхъ движеніяхъ.

Онъ вернется. Хорошо умереть за свободу, но онъ слишкомъ молодъ. Онъ будетъ нуженъ жизни своей любовью, съ своей горячей головой... Они были такъ счастливы. И онъ не оставитъ ее... Развѣ каждый идетъ драться? Развѣ не нужно, чтобы оставались лучшіе люди? Лучшіе, молодые? Нѣтъ, онъ не будетъ драться. Часъ — другой — и онъ вернется. Пусть послужатъ родинѣ другіе. А совѣсть?.. Что онъ крикнулъ на улицѣ: смотри, Мари, сегодня всѣ идутъ, даже хромой Лазарь и старикъ Андре... Зачѣмъ онъ это сказалъ? Совѣсть говорила въ немъ?... Нѣтъ, онъ далъ слово. Но онъ сказалъ потомъ прощай и долго шелъ обернувшись, кивая головой... Онъ не вернется; нѣтъ, нѣтъ не вернется. Онъ тамъ, гдѣ стрѣляютъ. О, пресвятая дѣва Марія! И съ губъ ея безсвязно срываются старыя, давно забытыя слова молитвы.

Ребенокъ проснулся въ своей постелькѣ. Онъ голоденъ, однако красивые цвѣты забавляютъ его. Онъ долго, внимательно наблюдаетъ за матерью. Но полный отчаянья жестъ, которымъ она ломаетъ руки, пугаетъ его.

— Мама! кричитъ онъ тревожно. Мама Мари, иди. я хочу

людей, которыхъ вѣроятно одинаково много среди интеллигентовъ и рабочихъ, но обобщать подобныя безтактности, вводить ихъ въ какое-то правило, объяснять дѣятельность интеллигенціи желаніемъ командовать—это болѣе чѣмъ неприлично. Вѣдь вы же сами (петербургскій рабочій) предлагаете членамъ рабочаго комитета „мелкія дѣла и на виду... поручать членамъ кружковъ болѣе молодымъ. А комитетскимъ нечего совать носа въ каждую мелочь...“ Не боитесь вы развѣ, что болѣе молодые назовутъ васъ „командирами и няньками“?

Но вы, конечно, не такъ виноваты въ своихъ ошибкахъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Виноваты тѣ проклятыя условія русской жизни, которыя заставляютъ насъ, точно воровъ, скрывать свое чистое святое дѣло. Эта тайна, эта конспиративность является одной изъ главныхъ причинъ всевозможныхъ недоразумѣній. Конспиративная дѣятельность предполагаетъ съ одной стороны полное довѣріе другъ къ другу всѣхъ дѣйствующихъ товарищей, даже тѣхъ, которые другъ друга не видали и не знаютъ; во-вторыхъ, большую самоотверженность со стороны каждаго, принимающаго участіе въ дѣятельности. Необходимо умѣть свои личныя желанія, свое самолюбіе подчинить общему дѣлу. Къ сожалѣнію, въ громадной массѣ лицъ, захваченныхъ соціалдемократической дѣятельностью, имѣется очень много элементовъ (какъ среди „интеллигентовъ“, такъ и среди рабочихъ), которые не обладаютъ въ достаточной степени этими качествами и потому создаютъ почву для недовѣрія. Къ этому, какъ мы уже говорили въ передовой статьѣ № 10 „Южн. Раб.“, присоединяются частыя перемѣны въ составѣ комитетовъ, частыя перерывы въ ихъ дѣятельности, благодаря проваламъ, неудовлетворительная дѣятельность комитетовъ, благодаря полной дезорганизованности нашей партіи. Эти недочеты, въ которыхъ часто единичные комитеты очень мало повинны, вызываютъ неудовольствіе всѣхъ примыкающихъ къ нимъ элементовъ.

Но въ такомъ случаѣ, скажете вы, какой выходъ изъ этого положенія? Полнаго выхода, какъ вы сами могли догадаться, предлагать мы не можемъ. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ намъ приходится дѣйствовать, всегда найдется достаточно поводовъ для недоразумѣній. Но всѣ эти недоразумѣнія потеряютъ свой серьезный характеръ, они не будутъ такъ сильно тормозить наше дѣло, если исчезнетъ тотъ страшный разбродъ, который господствуетъ въ настоящее время. Съ исчезновеніемъ главной причины неудовлетворительной дѣятельности комитетовъ, исчезнетъ и главный поводъ къ недоразумѣніямъ.

Но исчезнетъ ли наша дезорганизованность, когда для ея исчезновенія требуется извѣстное довѣріе другъ къ другу дѣйствующихъ товарищей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, дастъ Ленинъ въ своей книгѣ „Что дѣлать“? Къ сожалѣнію, его не только не поняли многіе изъ массы дѣйствующихъ товарищей, но даже такіе, которые претендуютъ на руководящую роль. Многіе приписывали Ленину и его товарищамъ свои собственныя желанія и помышленія. Насъ глубоко возмущаютъ всѣ тѣ разговоры о командованіи и диктатурѣ, которые всегда на устахъ господъ изъ „Борьбы“ и отчасти Надеждиныхъ и родственнаго имъ автора статей въ брошюрѣ „Рабочіе и интеллигенція“. Основная мысль Ленина состоитъ въ томъ, что въ такомъ идейномъ дѣлѣ, какъ рабочее соц.-дем. движеніе вообще, а у насъ въ Россіи въ особенности, необходимо, чтобы создалось извѣстное духовное ядро, внушающее всѣмъ довѣріе, группирующее умственныя силы партіи, обезпечивающее сохраненіе чистоты ея принциповъ и гарантирующее возможность разобраться и справиться со всѣми сложными вопросами, встрѣчающимися на пути. Таковъ былъ процессъ возникновенія различныхъ соціалистическихъ партій и заграницей. Всюду онѣ группировались вокругъ духовныхъ руководителей (гедисты, бланкисты, лассальянцы и др.) Другой вопросъ, есть ли у насъ въ настоящее время подобные духовные руководители. Но если ихъ нѣтъ, то ни какіе съѣзды, никакія попытки объединенія не помогутъ намъ выбраться на путь настоящей сильной политической партіи. Мы лично не такъ печально смотримъ на дѣло. Мы думаемъ, что редакція „Искры“ и „Зари“ и близкой къ нимъ „Группы Освобожденія Труда“ могутъ и должны сыграть роль этого духовнаго ядра, и потому мы и призываемъ всѣхъ единомышленниковъ, всѣхъ, кто понимаетъ всю серьезность задачи, которую беретъ на себя Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія, — объединиться вокругъ этого ядра. Это и обезпечитъ намъ единство взглядовъ, твердость убѣжденій и возможность справиться со многими трудностями нашей дѣятельности. А главное,—только къ такому духовному ядру, на дѣлѣ показавшему свою способность быть духовнымъ руководителемъ нашего движенія, мы можемъ питать полное довѣріе. Но бросьте всякія неприличныя фразы о командованіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ онѣ болѣе оскорбительны для произносящаго ихъ, чѣмъ для того, противъ кого онѣ направлены. Вашей свободѣ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность. Вотъ, по нашему мнѣнію, выходъ, который дастъ намъ возможность устранять множество недоразумѣній изъ нашей дѣятельности. Но для того, чтобы быть готовымъ къ такому выходу, необходимо каждому сознательному борцу (рабочему и интеллигенту), прежде всего понять, что вопросъ совершенно не въ томъ, будетъ ли хорошо поставлено дѣло на Обуховскомъ заводѣ или въ Кіевѣ и Екатеринославѣ, а въ томъ, чтобы дѣятельность велась планомѣрно и интенсивно во всей Россіи: необходимы не члены комитетовъ, а члены партіи — тогда передъ каждымъ дѣятелемъ, революціонная дѣятельность представится въ другомъ свѣтѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу второй части брошюры „Рабочіе и интеллигенція“. Содержаніе ея можетъ быть изложено въ немногихъ словахъ. Хотя авторъ

картофеля и молока.

Женщина схватываетъ пышный цвѣтокъ и наклоняется надъ дѣтской кроваткой всѣмъ тѣломъ.

Смотри, смотри, дитя. Какой цвѣтокъ, ласково лепечутъ ея блѣдныя губы.

— Молока! капризно плачетъ ребенокъ.

Но яркая роза поворачивается передъ его глазами. Онъ успокаивается и спрашиваетъ довѣрчивымъ заинтересованнымъ тономъ:

А онъ пахнетъ?

Пахнетъ, пахнетъ; нѣтъ, не пахнетъ, растерянно отвѣчаетъ мать.

Ея невниманіе обижаетъ ребенка. Всѣ его горести снова вспоминаются ему. Онъ злобно отталкиваетъ розу и кричитъ.

— Не хочу! Гадкій цвѣтокъ! Молока!

Молчи, молчи, дитя. Вотъ подожди, придетъ отецъ... Ты знаешь, онъ вернется... Онъ далъ слово... Онъ вернется... И она безсознательно повторяетъ ему вслухъ свои мысли, свои убѣжденія, лихорадочно вертя цвѣтокъ. Онъ пошелъ купить мяса и вернется, вернется. Ты вѣдь знаешь гдѣ отецъ?

Ребенокъ съ удивленьемъ прислушивается къ ея быстрой монотонной рѣчи. Слезы останавливаются въ его глазахъ и онъ повторяетъ за ней—гдѣ отецъ?

— Тамъ, гдѣ стрѣляютъ.

И вдругъ какой-то грохотъ потрясаетъ воздухъ за окномъ. Женщина, не выпуская руки ребенка, безсильно соскальзываетъ на полъ у его кроватки. Въ ея взглядѣ ужасъ.

— Зачѣмъ стрѣляютъ! съ тревогой и ужасомъ кричитъ ребенокъ. Мама, мама Мари!

Короткіе выстрѣлы раздаются часто, часто одинъ за другимъ. Она зажимаетъ уши, прячетъ голову. Потомъ схватываетъ ребенка, съ силой прижимаетъ его къ груди, кружится съ нимъ по комнатѣ.

Молчи, молчи, дитя. Мы идемъ къ отцу. Идемъ, идемъ. Еще выстрѣлъ. Женщина вытягивается всѣмъ тѣломъ, какъ напряженная струна; пальцы ея свободной руки впиваются въ подоконникъ, и она застываетъ, какъ блѣдное изваянье. Въ наступившей тишинѣ срываются звонкія капли февральской оттепели. Женщина быстрымъ движеніемъ закутывается въ платокъ, сбѣгаетъ съ одной, съ другой, съ третьей безконечной лѣстницы и бѣжитъ по скользкимъ тротуарамъ подъ влажной пеленой тумана.

Руководимая скорѣе инстинктомъ, чѣмъ опредѣленными указаніями, она бѣжитъ туда, гдѣ стрѣляютъ, путаясь въ

и не согласенъ съ комитетомъ рабочей организаціи и петербургскимъ рабочимъ, однако онъ очень радъ и заявленіямъ комитета рабочей организаціи и письму рабочаго, такъ какъ это позволяетъ ему обрушиться и на „Искру“ и „Зарю“, которыя не даютъ ему покоя. Онъ, видите ли, паритъ выше всего. Съ своей высоты онъ очень одобрительно отзывается объ интеллигенціи 70-хъ годовъ, снисходительно объ интеллигенціи 90-хъ гг., но за то страшно обрушивается на современную интеллигенцію, которой онъ пророчитъ страшную будущность. Двѣ пропасти рисуетъ онъ передъ взоромъ современнаго интеллигента (соціалдемократа): одна пропасть—потеря довѣрія рабочихъ, другая—увлеченіе терроромъ. Сказать по правдѣ, намъ кажется нѣсколько странной самоувѣренность автора, который пугаетъ другихъ страшными пропастями, и не замѣчаетъ, что самъ стоитъ уже надъ пропастью. Онъ, видите ли, самъ стоитъ за терроръ, но... тутъ начинается знаменитое „но“, которое такъ хорошо разобрано „Искрой“ въ ея фельетонахъ „революціонный авантюризмъ“. „Этотъ терроръ, по словамъ автора, долженъ быть въ рукахъ соц.-дем. партіи, тѣсно и неразрывно связанной со всѣми движеніями рабочаго класса... строго организованъ ею и находиться подъ ея контролемъ“. Жалкія слова! Развѣ и соціалисты-революціонеры не говорятъ того же, развѣ они не предлагаютъ терроръ не **вмѣсто** борьбы массъ, а **вмѣстѣ** съ борьбой? Нѣтъ, логика террора гораздо послѣдовательнѣе и неотразимѣе, чѣмъ у васъ и родственныхъ вамъ Надеждиныхъ и другихъ участниковъ „Свободы“. Берегитесь! Эта логика можетъ очень скоро толкнуть васъ въ пропасть. И какое у васъ пренебрежительное отношеніе къ рабочему классу, который вы кстати и некстати величаете „великаномъ“. Неужели „соціалдемократическая партія, тѣсно и неразрывно связанная со всѣми движеніями рабочаго класса“, нуждается въ выстрѣлахъ отдѣльныхъ лицъ, чтобы отомстить за себя? Неужели великаны нуждаются въ эксцитативныхъ (возбуждающихъ) средствахъ? Такія средства прописываются только слабымъ и умирающимъ.

Мы не считаемъ нужнымъ разбирать всю очень красиво написанную, но безсодержательную статью автора, такъ какъ мы не нашли въ ней отвѣта на разсмотрѣнный нами выше вопросъ.

СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ ВЪ 1902 г.

Какъ все молодое, быстро растетъ наша партія. Съ каждымъ годомъ ея развитіе дѣлаетъ поразительные успѣхи. Давно ли было время, когда рабочіе казались совершенно безучастными ко всѣмъ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы фабрики, когда выдумывались цѣлыя теоріи, чтобы вовлечь рабочихъ въ политическое движеніе? „Экономизмъ“ былъ еще въ полномъ цвѣту, когда рабочіе громадными массами присоединились къ политическому протесту студентовъ на улицахъ Москвы и Петербурга. И вотъ комитеты, въ большинствѣ случаевъ, прятавшіе до сахъ поръ свою политическую программу въ конспиративныхъ кружкахъ, вступили на путь самой широкой политической агитаціи.

Такой именно агитаціей начался прошлый 1902 годъ, по крайней мѣрѣ, у насъ на югѣ. Настроеніе было сильно приподнятое, и это уже выразилось въ февральскихъ демонстраціяхъ въ Одессѣ и Екатеринославѣ. Эти демонстраціи вышли мало удачными, такъ какъ имъ предшествовали небывалые аресты: въ одной Одессѣ арестовали нѣсколько сотъ человѣкъ. Аресты по всей Россіи продолжались вплоть до мая, и это не могло не ослабить предмайскую агитацію. Несмотря на все это, майскіе дни дали намъ цѣлый рядъ демонстрацій; нѣкоторыя изъ нихъ являлись грандіознымъ шествіемъ революціонеровъ и не приводили въ то же время ни къ побоищу, ни къ провалу революціонныхъ организацій. Наиболѣе внушительными были демонстраціи въ Баку и въ Сормовѣ, Нижегородской губ. Въ Баку до 5000 рабочихъ около часу ходили по главнымъ улицамъ города съ краснымъ знаменемъ и революціонными криками, привлекая массу любопытныхъ и встрѣчая общее сочувствіе. Демонстрація окончилась совершенно мирно: знамя было опущено, и толпа разошлась, прежде чѣмъ вмѣшалась полиція. Въ Сормовѣ, въ назначенный для демонстраціи день, часть рабочихъ не пошла на работу и съ 3 до 6 ч. дня оставалась на улицѣ, причемъ все время были подняты красныя знамена, пѣлись революціонныя пѣсни и раздавались громкіе крики: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ Тутъ было около 2000 челов. Полиція растерялась и придумала наконецъ послать „для водворенія порядка“ попа съ иконами. Однако на этотъ разъ богъ чуда не захотѣлъ, и попъ, исправляющій должность пристава, былъ освистанъ рабочими. Въ 6 ч. вечера окончилась работа на заводѣ, и къ прежнему числу демонстрантовъ прибавилась еще значительная часть вышедшихъ изъ завода рабочихъ. Громадная толпа въ 3000—4000 человѣкъ съ краснымъ знаменемъ и революціонными пѣснями двинулась по большой дорогѣ. Пройдя значительное разстояніе, она была встрѣчена и окружена войсками. Но дѣло обошлось безъ кровопролитія: демонстранты спокойно разошлись. Въ Саратовѣ небольшой толпѣ удалось пройти черезъ весь городъ съ краснымъ знаменемъ и революціонными пѣснями. Во время этого шествія была роздана масса прокламацій. Въ Двинскѣ удалось обмануть полицію, и стройная толпа въ 2000—3000 челов. съ красными знаменами прошла по улицѣ. Но демонстрація продолжалась недолго—всего минутъ 8. Менѣе многочисленныя и менѣе удачныя въ другихъ отношеніяхъ демонстраціи были: въ Нижнемъ-Новгородѣ, Екатеринославѣ, Вильнѣ, Житомірѣ, Въ Харьковѣ рабочіе паровозостроительнаго завода праздновали 1 мая забастовкой. Явившіеся на заводъ казаки были встрѣчены цѣлымъ градомъ желѣзныхъ гаекъ и камней. Въ

длинныхъ переулкахъ, задѣвая за тумбы развѣвающимся платьемъ. Ноги ея подкашиваются, дыханіе ускоряется и руки нѣмѣютъ отъ тяжелой ноши.

Но въ быстрыхъ физическихъ движеніяхъ размѣнивается сила ея тоски, и чувства, разрывавшія ей сердце сливаются въ одно стремленіе: быть тамъ, гдѣ стрѣляютъ. Она бѣжитъ долго и неустанно. Выстрѣловъ больше не слышно. Но вотъ улица, гдѣ, безъ сомнѣнія, дрались. Тамъ и сямъ разбиты фонари. Пули, пролетая въ окна, оставили прихотливые узоры. Кое-гдѣ въ неровномъ свѣтѣ фонарей бѣлѣютъ стѣны, покрытыя копотью и какими-то темными пятнами. Обманчивый свѣтъ фонарей отражается въ окнахъ домовъ, придавая имъ живой видъ. Но все покинуто и пусто. Людей здѣсь нѣтъ. Гдѣ-то дальше слышитъ она гулъ голосовъ. Слѣпое, темное чувство толкаетъ ее въ переулокъ, и она видитъ освѣщенные ряды оконъ, слышитъ гулъ и движеніе за стѣнами домовъ. У фонаря вырисовывается ружье и кепи солдата, который быть можетъ еще сегодня утромъ былъ студентомъ или рабочимъ.

Гражданка, возвращайтеся назадъ. Дальше нельзя пройти. Баррикады! — говоритъ онъ возбужденно, еще полный только что пережитыхъ волненій, и видя, что она останавливается, продолжаетъ. Мы только что прогнали отсюда королевскія войска. Дальше имъ некуда дѣваться. Они свернули вонъ въ ту улицу на право, но тамъ ихъ ждетъ ловушка.

И онъ начинаетъ разсказывать ей, какъ долженъ запутаться непріятель. Тамъ мы дрались сегодня—вставляетъ онъ мимоходомъ.

Знакомое слово поражаетъ слухъ женщины.

Кто дрался? спрашиваетъ она, торопясь вставить слово въ взволнованную рѣчь солдата.

— Мы, рабочіе изъ Сенъ-Дени.

— И можетъ быть мой мужъ?

Солдатъ, прерванный въ интересномъ пунктѣ разсказа, увлеченный теченіемъ своихъ мыслей, не понимаетъ и нѣсколько мгновеній мигаетъ глазами.

Вы можетъ знаете его — быстро говоритъ она. Такой бѣлокурый... красавецъ. Родинка на щекѣ, и лицо нѣжное, какъ у дѣвушки.

Солдатъ обрадовано киваетъ головой.

— Вѣрно, вѣрно. Отлично дрался...

— Гдѣ онъ? Его такъ легко узнать. Сегодня я ему повязала красный шарфъ...

Солдатъ что-то вспоминаетъ.

Ростовѣ н/Д на майскую демонстрацію собралась громадная толпа рабочихъ. но демонстрація не удалась, вслѣдствіе плохой подготовки. Правительство съ своей стороны готовило отпоръ и на этотъ разъ въ своей заботѣ къ революціонерамъ оно превозошло всѣ самыя худшія ожиданія. Негодяи Валь и Келлеръ подвергли арестованныхъ на демонстраціяхъ рабочихъ тѣлесному наказанію. Выстрѣлъ Леккерта и единодушный взрывъ негодованія во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ государствахъ Европы были отвѣтомъ на эту неслыханную гадость правительства Николая II. Оно совершенно растерялось въ борьбѣ съ наступающими революціонными силами, оно потеряло всякій стыдъ, оно хватается за всѣ средства, какія только могутъ выдумать его гнусные слуги, оно одновременно истязаетъ демонстрантовъ розгами въ Вильнѣ и Екатеринославѣ и отдаетъ ихъ подъ судъ въ Саратовѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, наглядно показывая такимъ образомъ, что этимъ судамъ такая же цѣна, какъ и расправа мерзавца Валя. Но и суды не запугаютъ революціонеровъ. Смѣло заявили этому позорному суду сормовскіе рабочіе, что они убѣжденные революціонеры, что демонстрація не преступленіе, а ихъ право, и съ сознаніемъ исполненнаго долга и вѣрой въ побѣду своего дѣла пойдутъ они въ ссылку, а эти суды, какъ и расправа Валя, будутъ причтены къ длинному списку позорныхъ дѣяній нашего правительства и никогда ему не забудутся...

1-е мая праздновалось, какъ мы видѣли, во всѣхъ концахъ Россіи, и этотъ праздникъ привлекъ въ общей сложности не одинъ десятокъ тысячъ рабочихъ. Но сознательность участниковъ демонстрацій еще важнѣе, чѣмъ многочисленность ихъ. Если въ 1901 г. рабочіе Москвы и Петербурга только примкнули къ протесту студентовъ, то въ 1902 г. они уже выступили совершенно самостоятельно подъ знаменемъ Россійской соц.-дем. рабочей партіи. Это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Майскія демонстраціи происходили повсюду въ день, назначенный соц.-демократическими организаціями, причемъ организаціи не пользовались для устройства демонстраціи какими-нибудь волненіями въ рабочей средѣ, слѣдовательно, рабочіе, принимавшіе участіе въ демонстраціяхъ, понимали значеніе майскаго праздника. Требованія были выставлены всюду одни и тѣ же — это тѣ требованія, которыми заканчивались соц.-дем. прокламаціи: рабочіе требовали политической свободы, протестуя противъ гнета самодержавія, и 8-ми часового рабочаго дня, протестуя этимъ противъ гнета капиталистической эксплуатаціи; этими требованіями они ясно заявили свои симпатіи къ демократіи и соціализму. Нигдѣ къ этимъ требованіямъ не примѣшивалось ничего профессіональнаго или мѣстнаго. На это обратило вниманіе и правительство. Обвинительный актъ по дѣлу о сормовской демонстраціи съ изумленіемъ подчеркиваетъ показаніе инженера Мещерскаго: никто изъ рабочихъ не обращался къ нему съ требованіемъ увеличенія заработной платы или сокращенія рабочаго дня. Демонстраціи нигдѣ не переходили въ стачку, и это еще разъ показываетъ, что рабочіе не ждали отъ нихъ никакихъ непосредственныхъ выгодъ: они шли на борьбу съ общественнымъ порядкомъ, а не съ отдѣльными капиталистами. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на то, что въ большинствѣ случаевъ демонстраціи происходили вдали отъ мѣстъ работы, такъ что нельзя даже говорить о томъ, что сколько-нибудь значительная часть демонстрантовъ была увлечена толпой: на демонстраціи нужно было идти, слѣдовательно, раньше нужно было подумать, зачѣмъ идешь и убѣдиться, что идти дѣйствительно нужно. Не забудьте еще и того, что звѣрства нашего правительства всѣмъ извѣстно; всѣ знаютъ, что оно готово разстрѣлять хотя бы тысячи людей, только бы не услышать крика: „Долой самодержавіе!“ И если тѣмъ не менѣе этотъ крикъ не умолкалъ въ теченіе цѣлаго года и грознымъ эхомъ отдавался то въ одномъ, то въ другомъ городѣ, то это прежде всего доказываетъ, что революціонное движеніе пустило глубокіе корни въ рабочихъ массахъ. Чтобы идти на демонстрацію въ маѣ въ Екатеринославѣ, послѣ того, какъ демонстранты были жестоко избиты въ томъ же городѣ 14 декабря,—для этого нужно много сознательности и воодушевленія. Это уже не „репетиція“, устраиваемая шпіономъ Зубатовымъ и великимъ княземъ Сергѣемъ въ Москвѣ. И пусть на „репетиціяхъ“ правительства будутъ тысячи рабочихъ (и шпіоновъ), онѣ не затмятъ даже небольшой демонстркціи 3—400 сознательныхъ рабочихъ въ Екатеринославѣ. Тамъ, въ Кремлѣ—совершенно безсознательная темная масса, непонимающая, что она дѣлаетъ и, какъ стадо барановъ, идущая туда, куда ее ведутъ; здѣсь — убѣжденные борцы, хорошо видящіе опасность и сознательно подвергающіеся ей ради того дѣла, которому они глубоко преданы и ради котораго они готовы подвергнуться истязанію и даже смерти. Правительство загнало московскихъ рабочихъ на свою демонстрацію приманкой лишняго пятачка къ заработной платѣ да обѣщаніемъ милостиваго заступничества охраннаго отдѣленія передъ отцами-фабрикантами; революціонеры подготовляли свои демонстраціи продолжительной и упорной агитаціей, которую они ведутъ на виду цѣлой арміи шпіоновъ и полиціи и которая сама по себѣ уже свидѣтельствуетъ о силѣ движенія. Вѣдь это полтавскому губернатору легко выпустить прокламацію къ крестьянамъ, а напечатать и разбросать революціонную прокламацію не такъ-то просто. И если одесскіе рабочіе въ теченіе цѣлой зимы еженедѣльно забрасывали городъ своими прокламаціями, то это доказываетъ и многочисленность ихъ революціонной организаціи и ихъ преданность дѣлу революціи. Каждый схваченный въ Одессѣ съ прокламаціями по приказанію градоначальника подвергался жестокому избіенію тутъ же на улицѣ, въ участкѣ, въ тюрьмѣ. Рабочимъ было прекрасно извѣстно это, и все-таки они снова и снова бросали прокламаціи...

— Нѣтъ, такого не видѣлъ, говоритъ онъ отворачивая лицо и съ неожиданной суровостью кричитъ: возвращайтесь! Здѣсь нельзя пройти.

Его сильная, точно желѣзная рука схватываетъ ея слабую тонкую руку. Но женщина соображаетъ. Прижимая свободной рукой тяжелую ношу, она какъ змѣя вывертывается изъ рукъ солдата и бѣжитъ въ темноту улицы. Пронзительный женскій крикъ сливается съ жалобнымъ плачемъ ребенка.

Женщина бѣжитъ туда, гдѣ при свѣтѣ фонаря блеститъ на землѣ какая-то темная жидкость. На грудѣ тѣлъ ей мечется въ глаза красный шарфъ, какъ огромная кровавая фуксія. При желтоватомъ свѣтѣ она различаетъ тонкое, нѣжное, какъ у дѣвушки, теперь спокойное лицо и съ крикомъ бросается на блѣдный трупъ.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.

2-го ноября рабочіе котельнаго цеха ростовскихъ мастерскихъ Владикавказской жел. д. послѣ обѣденнаго перерыва бросили работу и, выйдя изъ помѣщенія мастерскихъ, направились къ конторѣ. Поводомъ къ стачкѣ послужило слѣдующее обстоятельство. Мастеръ котельнаго цеха Войткевичъ утромъ рѣшилъ понизить разцѣнки тайно отъ рабочихъ, т. к. табели разцѣнокъ въ мастерскихъ не вывѣшивались. Неизвѣстно какимъ образомъ, но уже съ 10 ч. утра всѣмъ рабочимъ котельнаго цеха это стало извѣстно. Перепуганный, дрожащій Войткевичъ предсталъ передъ толпой котельщиковъ и усердно сталъ ихъ уговаривать вновь стать на работу. Но котельщики не согласились на его предложеніе и потребовали, чтобы разцѣнки были повышены на 50 коп., а также, чтобы табель разцѣнковъ была вывѣшана въ мастерской. Затѣмъ по требованію рабочихъ былъ вызванъ начальникъ мастерскихъ инженеръ Дзевонскій. Неизвѣстно по какому случаю послѣдній явился пьяный, а вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ швейцаръ съ револьверомъ въ рукахъ, который былъ торжественно врученъ Дзевонскому. Послѣдній, вооружившись револьверомъ, повелъ къ рабочимъ рѣчь, уговаривая ихъ стать на работу. Переговоры тянулись очень долго. Минутъ

Революціонное движеніе рабочихъ вызвало сильный подъемъ революціоннаго настроенія и въ другихъ слояхъ населенія. Оно отозвалось и въ темной крестьянской массѣ — наивной попыткой раздѣла помѣщичьяго имущества и въ благовоспитанномъ земствѣ—почтительными и туманными напоминаніями правительству о конституціи, въ учащейся молодежи — открытымъ выраженіемъ своихъ революціонныхъ симпатій.

Въ Москвѣ собирается нелегальный съѣздъ земскихъ дѣятелей для обсужденія плана дѣйствій либеральной оппозиціи, за границей начинаетъ издаваться ея органъ „Освобожденіе". Во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи происходятъ студенческія волненія. Балмашевъ убиваетъ Сипягина, и вслѣдъ за тѣмъ мы узнаемъ объ образованіи „боевой организаціи" партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Партія эта существовала давно, но почти не проявляла себя въ жизни. Теперь общій революціонный подъемъ отразился и на ней: заграницей начинаетъ регулярно выходить „Революціонная Россія"—органъ этой партіи, и вслѣдъ за образованіемъ „боевой организаціи" намъ торжественно объявляютъ объ образованіи „крестьянскаго союза".

Можно, конечно, только радоваться этому революціонному подъему. Всякое движеніе, направленное противъ царскаго правительства, выгодно намъ. Но вступленіе на путь борьбы съ правительствомъ другихъ слоевъ населенія, другихъ партій, налагаетъ на насъ новыя обязанности. Всякій союзникъ хочетъ какъ можно больше выиграть именно для себя, всякій стремится стать господиномъ положенія, стать во главѣ революціоннаго движенія и руководить имъ. Рабочее движеніе побѣдоносно идетъ впередъ къ революціи, и нужно, чтобы плодомъ будущей революціи воспользовались сами рабочіе. Для этого они должны быть организованы въ одну рабочую партію, которая зорко охраняла бы интересы рабочихъ и не позволяла бы другимъ партіямъ подчинить рабочее движеніе своимъ интересамъ и увлечь его въ ту сторону, которая имъ выгодна. Такъ было, напр., въ 1848 г. въ Германіи. Рабочіе своею кровью добыли свободу для всего народа, но этой свободой воспользовались не они, а буржуазные классы населенія. Рабочіе же, у которыхъ не было своей партіи и которые боролись съ правительствомъ подъ руководствомъ буржуазныхъ партій, не выиграли ничего: въ парламентъ не попало ни одного представителя отъ рабочихъ. И только спустя много лѣтъ, когда рабочіе организовались въ особую соціалдемокр. рабочую партію, только послѣ упорной борьбы подъ знаменемъ этой партіи добились они участія въ управленіи страной.

Наша либеральная оппозиція, пугающая правительство своими разговорами въ комитетахъ „особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности", ни мало не опасна для рабочаго движенія въ этомъ отношеніи.

Другое дѣло Партія соціалистовъ-революціонеровъ. Эта партія, также, какъ и наша, заявляетъ себя революціонной и соціалистической. Она только не хочетъ той „узости", которой, по ея словамъ, страдаемъ мы, соціалдемократы. Она хочетъ соединить подъ своимъ знаменемъ всѣхъ недовольныхъ современнымъ порядкомъ: и рабочихъ, и крестьянъ, и буржуазную интеллигенцію. Она хочетъ бороться противъ пр-ва всѣми средствами, а не только тѣми, которыя пригодны для борьбы цѣлыхъ массъ, и потому она объявляетъ терроръ однимъ изъ такихъ средствъ борьбы. Эта партія конечно несравненно ближе намъ, чѣмъ либералы, но она и опаснѣе для нашего движенія. Опаснѣе потому, что благодаря этой именно близости она можетъ увлечь движеніе рабочихъ на ложный путь: путь объединенія въ одну партію съ другими революціонными въ данное время слоями населенія. — Но почему же этотъ путь ложный?—спросите вы. А вотъ почему. Стремясь свергнуть самодержавіе и добиться такимъ путемъ политической свободы, наша партія преслѣдуетъ, конечно, не только интересы рабочихъ. Ея борьба встрѣчаетъ самое горячее сочувствіе и за предѣлами рабочаго класса, въ крестьянствѣ, въ интеллигенціи. Но добившись политической свободы, мы не остановимся въ своей борьбѣ. Мы будемъ стремиться къ уничтоженію капиталистической собственности. Тутъ у насъ уже не будетъ столько союзниковъ: непримиримымъ врагомъ капитализма можетъ быть только классъ наемныхъ рабочихъ, которые непосредственно страдаютъ отъ капиталистической эксплуатаціи. Поэтому, чтобы достичь уничтоженія этой эксплуатаціи, именно рабочій классъ долженъ захватить государственную власть въ свои руки, чтобы отобрать всѣ средства производства (фабрики, заводы, землю) изъ частной собственности и сдѣлать ихъ собственностью общественной. А чтобы когда-нибудь добиться такого захвата государственной власти въ свои руки, рабочій классъ долженъ организовываться въ особую рабочую партію. У насъ можетъ быть много союзниковъ только до поры до времени: вѣдь „мускулистая рука" рабочаго такъ нужна для разрушенія ненавистнаго всѣмъ царскаго трона. У сильнаго всегда будутъ союзники. И наша партія будетъ всегда привѣтствовать всѣхъ союзниковъ, но ради союза она не должна жертвовать своей самостоятельностью. Она не должна выпускать знамя революціи и передавать его другимъ, чтобы это славное знамя въ рѣшительный моментъ не было позорно брошено на полѣ битвы.

Партія соц.-рев. выступила въ такой моментъ, когда она могла быть именно такимъ союзникомъ. Это было то время, когда еще слишкомъ свѣжо было гнетущее впечатлѣніе, оставленное гнусной расправой правительства съ виленскими рабочими, когда въ воздухѣ гремѣли выстрѣлы Леккерта и Качура и когда такая месть многимъ казалась единственно возможнымъ исходомъ для накипѣвшаго въ груди чувства ненависти къ палачамъ; это было время, когда движеніе въ полтавскихъ и харьковскихъ деревняхъ стало только что извѣстнымъ и когда поверхностному взору могъ казаться справед-

---

за 20 до конца работъ они стали на работу. Между тѣмъ въ остальныхъ цехахъ съ тревогой слѣдили за происходящимъ. Но не нашлось рѣшительнаго человѣка, который призвалъ бы всѣхъ къ стачкѣ. Съ другой стороны сами котельщики отказались пойти по остальнымъ цехамъ съ призывомъ къ стачкѣ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что не они должны призывать остальныхъ рабочихъ, а наоборотъ, остальные, видя, что котельщики забастовали, сами должны бросить работу.

Такимъ образомъ въ субботу 2 ноября, возможная, какъ показало будущее, стачка всѣхъ мастерскихъ, въ которыхъ работаетъ до 3800 чел., благодаря нерѣшительности рабочихъ, не состоялась. Между тѣмъ почва для этого была уже достаточно подготовлена. Въ мастерскихъ среди рабочихъ давно уже шли глухіе толки о стачкѣ—подъ вліяніемъ уменьшенія разцѣнокъ, которыя, начиная съ мая и до октября понизились процентовъ на 40. Съ другой стороны грубое обращеніе мастеровъ-инспекторовъ съ рабочими, не встрѣчая никакого отпора, дошло до того, что нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе наглые, пускали въ ходъ кулаки. Особенно отличался нѣкій Чернявскій — рѣдкій негодяй, который еще на школьной скамьѣ (въ ростовскомъ реальномъ училищѣ) уже проявилъ задатки негодяя. Въ 6 и 7 классахъ онъ сумѣлъ очень хорошо „устроиться", имѣлъ всегда лучшіе уроки и въ такомъ большомъ количествѣ (20—30 уроковъ), что самъ, конечно, не былъ въ состояніи заниматься вездѣ и изъ 20 уроковъ бралъ себѣ 5 получше, а остальные сдавалъ своимъ товарищамъ „въ аренду", причемъ изъ 50 р. самъ получалъ 30—40, а товарищамъ удѣлилъ 10—20 р. Въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ этотъ г-нъ, къ удивленію своихъ товарищей, сдѣлался „марксистомъ". Многіе изъ его кружка затѣмъ были арестованы, но онъ остался цѣлъ; это заставило многихъ подозрѣвать, что Чернявскій — провокаторъ. Негодяйство свое г. Чернявскій продолжалъ проявлять и будучи инженеромъ во время службы въ Новороссійскѣ, откуда онъ былъ переведенъ въ Ростовъ лишь потому, что существовали серьезныя опасенія, какъ бы рабочіе не убили его: такую ненависть возбудилъ онъ къ себѣ среди рабочихъ. Вообще же составъ мастеровъ въ мастерскихъ на подборъ. Всякій по своему негодяйствуетъ, и среди двухъ десятковъ инженеровъ, находящихся въ мастерскихъ, невозможно найти хотя бы одного, который заслужилъ бы названіе порядочнаго человѣка.

Незадолго до стачки Донской Комитетъ началъ вести агитацію на многихъ мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ посредствомъ гектографированныхъ прокламацій. Между про-

ливымъ упрекъ, который намъ дѣлаютъ соц.-революціонеры, будто мы напрасно пренебрегаемъ крестьянствомъ, также склоннымъ къ соціалистическимъ идеямъ, какъ и промышленные рабочіе; наконецъ, это было время естественнаго затишья въ дѣятельности соц.-демократическихъ организацій, наступившаго послѣ майскихъ демонстрацій, то время, когда „считать мы стали раны“, когда намъ нужно было оправиться послѣ схватки съ пр-омъ и подготовиться къ дальнѣйшей борьбѣ: это время незамѣтной работы, скрытой внутри организацій. Въ такое время затишья всегда поднимаетъ голову такъ наз. „критика“, а на самомъ дѣлѣ малодушное отчаяніе. И вотъ въ такое время являются соц.-революціонеры съ проповѣдью террора. Казалось бы, всѣ условія на лицо, чтобы эта проповѣдь получила самый блестящій успѣхъ, чтобы соціал.-революціонеры пріобрѣли громадное число приверженцевъ за счетъ нашей партіи. И вотъ мы видимъ какъ разъ обратное. Проповѣдь террора имѣетъ поразительно ничтожный успѣхъ: соціалдемокр. организаціи единодушно отвергаютъ это средство борьбы. И только конференція Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза допускаетъ терроръ, какъ месть, но и въ этомъ она встрѣчаетъ энергичное противодѣйствіе своихъ заграничнаго и лодзинскаго комитетовъ. Неуспѣхъ соціал.-революціонеровъ кажется намъ явленіемъ очень важнымъ, знаменательнымъ. Для идейной борьбы мы поставлены въ столь же неблагопріятныя условія, какъ для борьбы съ пр-омъ. Въ духовномъ отношеніи наши организаціи такъ же одиноки, какъ и въ другихъ. Связей, сношеній, мало. Та серьезная литература, которая издается заграницей, слишкомъ плохо проникаетъ „въ глубину Россіи“. Прибавьте къ этому, что по условіямъ дѣятельности комитеты мѣняются въ своемъ составѣ постоянно, и тогда вамъ станетъ ясно, какъ трудно при такихъ условіяхъ сохранить единство взглядовъ. И если это единство не разрушилось нападеніемъ соц.-революціонеровъ, то эта наша побѣда, быть можетъ не меньше, чѣмъ побѣды надъ пр-омъ, доказываетъ, что соціалдемократія пустила въ Россіи крѣпкія корни.

Если нападеніе нашихъ идейныхъ противниковъ заставило насъ больно почувствовать нашу разрозненность, то еще больнѣе мы чувствовали ее въ самый разгаръ весеннихъ событій, во время схватокъ съ пр-омъ. Первый широкій опытъ борьбы не прошелъ даромъ. Онъ многому насъ научилъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ неудачныхъ демонстраціяхъ, которыя (будемъ говорить правду) являлись иногда легкомысленнымъ предпріятіемъ. Но помимо этихъ рѣдкихъ исключеній весеннее движеніе указало и на общіе всѣмъ организаціямъ недостатки. Прежде всего бросается въ глаза слѣдующее. Демонстрація имѣетъ не только мѣстное значеніе: отдѣльный актъ политической борьбы, какъ и вся борьба, долженъ стать достояніемъ всей нашей партіи, т. е. мы должны позаботиться объ этомъ. Въ дѣйствительности же этого нѣтъ. Въ Ростовѣ, напр., происходила недавно грандіозная стачка рабочихъ мастерскихъ Владик. ж. д. Стачка была поддержана забастовкой жел.-дорожныхъ рабочихъ въ Новороссійскѣ, Тихорѣцкѣ и, наконецъ, всѣми рабочими города. Происходятъ грандіозныя народныя собранія, на которыхъ произносятся революціонныя рѣчи, восторженно встрѣчаемыя рабочими: стачка обращается такимъ образомъ въ цѣлый рядъ политическихъ демонстрацій. Все движеніе представляетъ образецъ сознательности и дисциплины. Движеніемъ руководилъ Донской Комитетъ, дѣятельность котораго въ это время безпримѣрна по своей энергіи и организованности. И вотъ такое крупнѣйшее событіе въ жизни нашей партіи проходитъ почти незамѣтно. Мы узнаемъ о немъ тогда, когда стачка почти кончилась. Читатель скажетъ, что въ этомъ виновата сама група Южнаго Рабочаго, и будетъ правъ, конечно, но не совсѣмъ, потому что этотъ случай не исключеніе, а правило. Виновато тутъ и то направленіе дѣятельности, по которому всѣ усилія направляются исключительно на мѣстныя дѣла, а всякія революціонныя предпріятія, выходящія за предѣлы города, остаются въ пренебреженіи и въ лучшемъ случаѣ встрѣчаютъ сочувствіе на словахъ.

А вотъ еще почти общая всѣмъ демонстраціямъ черта, которая должна бы заставить насъ призадуматься. Демонстрація влечетъ за собою массовые аресты, которые въ свою очередь также неизбѣжно влекутъ прекращеніе или ослабленіе на нѣкоторое время революціонной дѣятельности въ томъ или другомъ городѣ. Демонстрація покупается тогда слишкомъ дорогой цѣной: вмѣсто того, чтобы оживить революціонную дѣятельность, она служитъ началомъ упадка этой дѣятельности. И съ этимъ нельзя бороться одной только осторожностью. Правительство всегда можетъ обыскать и арестовать всѣхъ, кто внушаетъ ему хотя бы малѣйшее подозрѣніе, какъ оно сдѣлало прошлой зимой въ Одессѣ, обыскавъ не только всю Одессу, но и всѣ сосѣдніе города (Херсонъ, Николаевъ, Кишиневъ, Елисаветградъ). При такихъ арестахъ сохранить цѣлость мѣстной организаціи почти невозможно. И вотъ мы видимъ, что послѣ демонстраціи революціонная жизнь города затихаетъ. Посмотрите, какой своеобразный характеръ носитъ все наше движеніе: какъ какое-то блуждающее пламя оно перекидывается съ одного города въ другой. Одинъ годъ въ одномъ городѣ вспыхнетъ крупная стачка или демонстрація, революціонная энергія горитъ яркимъ пламенемъ нѣкоторое время и потомъ совсѣмъ затухаетъ, и только кое-гдѣ тлѣютъ искры прежняго пожара. Въ это время такія же искорки въ другомъ городѣ разгораются все ярче и ярче, и черезъ полгода или годъ мы съ удивленіемъ видимъ, что въ городѣ, о которомъ прежде мы ничего не слыхали, происходятъ грандіозныя демонстраціи. На слѣдующій годъ онѣ перебрасываются за тысячи верстъ въ третій городъ. Намъ кажется, что въ этомъ виновата наша неорганизованность. Въ самомъ дѣлѣ:

чимъ была выпущена прокламація къ рабочимъ мастерскихъ Владикавказской ж. д., въ которой описывалось тяжелое положеніе рабочихъ и указывалось на грубость мастеровъ. Въ заключеніе рабочіе призывались къ дружному отпору мастерамъ. „Рабочіе прежде всего люди, а затѣмъ уже рабочіе“— говорилось въ прокламаціи. „И какъ люди они должны прежде всего защищать свое человѣческое достоинство, а какъ рабочіе они должны не только стоять другъ за друга, но должны помнить, что имъ предстоитъ великая борьба противъ правительства, и что человѣкъ, не умѣющій отстоять тѣ ничтожныя права, которыя у него есть, несможетъ добиться новыхъ правъ“. „Мы ведемъ борьбу не противъ мастеровъ, а противъ правительства, но на грубости мастеровъ мы должны дать отвѣтъ“. Въ заключеніе прокламація рекомендовала стачку, какъ орудіе борьбы противъ эксплуатаціи. Прокламація произвела на рабочихъ хорошее впечатлѣніе и возбудила много толковъ о необходимости стачки. Недоставало только какого-нибудь повода. Теперь поводъ нашелся, и Донской Комитетъ рѣшилъ использовать его. Въ воскресенье 3 ноября была созвана небольшая сходка изъ представителей цеховъ, на которой присутствовало человѣкъ 40, въ томъ числѣ наряду съ организованными рабочими и неорганизованные. На сходкѣ были выработаны требованія, и рѣшено было завтра же устроить стачку. Нѣсколько человѣкъ должны были ворваться въ кочегарку и дать тревожный свистокъ, а остальные должны были броситься по цехамъ съ крикомъ: „бросай работу!“ Такъ и было сдѣлано. Утромъ 4 ноября, въ мастерскихъ была распространена печатная прокламація, въ которой послѣ описанія положенія рабочихъ были приведены требованія съ призывомъ къ стачкѣ. Прокламаціи вызвали среди рабочихъ сильное возбужденіе. Около 10 ч. утра нѣсколько организованныхъ рабочихъ ворвались въ кочегарку и дали тревожный свистокъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія со стороны мастера и кочегара. Остальные съ пѣніемъ: „Отречемся отъ стараго міра“... — пошли по другимъ цехамъ въ то время, какъ отдѣльные организованные рабочіе бѣгали по всѣмъ цехамъ съ крикомъ: „бросай работу—стачка, ура!“ Къ группѣ пѣвшихъ присоединилась все большая и большая толпа. Очевидецъ такъ описываетъ происходившее дальше. „Всѣ рабочіе, какъ бы повинуясь какой-то силѣ, побросали свои инструменты и съ громкими восклицаніями высыпали изъ дверей въ желѣзнодорожный дворъ. Въ короткое время здѣсь образовалась огромная толпа въ 3000 человѣкъ, возбужденныхъ обрадованныхъ, предчувствующихъ что-то необычайное; всѣ понимали важность минуты, и у всѣхъ въ глазахъ можно

каждый комитетъ съ первыхъ шаговъ одинокъ. Нужно продолжительное время, чтобы онъ успѣлъ окрѣпнуть и пустить глубокіе корни въ рабочихъ массахъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ достигаетъ этого, ведетъ широкую агитацію, организуетъ крупную стачку или демонстрацію и неизбѣжно гибнетъ. И вотъ наступаетъ продолжительное затишье, пока не зародится новая организація, пока она соберется съ силами, чтобы вести революціонную работу въ прежнемъ масштабѣ. Въ другомъ, въ третьемъ городѣ происходитъ тотъ же процессъ, а т. к. революціонная дѣятельность различныхъ городовъ не связана между собою, то и случается такъ, что отдѣльные города выступаютъ на путь открытой борьбы одинъ за другимъ безъ всякаго порядка.

Этого не было бы въ томъ случаѣ, если у насъ была бы общая организація партіи, которая всегда была бы готова придти на помощь комитетамъ въ критическія минуты ихъ жизни, которая всегда могла бы возстановить неизбѣжно погибающую частицу общей организаціи, которая всегда могла бы двинуть резервные отряды въ тотъ пунктъ, гдѣ въ данное время происходитъ главное сраженіе. Мы подошли тутъ къ вопросу, который впервые ярко всталъ передъ нами въ этомъ году,—къ вопросу объ организаціи партіи.

Въ этомъ отношеніи прошлый годъ далъ намъ многое. Въ началѣ года мы видѣли образованіе нѣсколькихъ районныхъ организацій (Союза южныхъ комитетовъ и организацій, Сѣвернаго рабочаго союза, Сибирскаго союза). Такое объединеніе давало нѣкоторую экономію силъ, но во всякомъ случаѣ оно не являлось удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса, и это сознавали сами дѣятели районныхъ организацій. Въ № 10 „Юж. Раб.“ мы уже говорили, что цѣлямъ политической борьбы соотвѣтствуетъ только организація, охватывающая все государство. Здѣсь мы говорить объ этомъ больше не будемъ. Но мы должны предостеречь отъ того ошибочнаго взгляда, что созданіе районныхъ организацій есть первый шагъ по пути созданія организаціи всей партіи. Это было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, еслибы дѣло организаціи партіи заключалось въ простомъ сложеніи нѣсколькихъ организацій, какъ складываются числа въ арифметикѣ, или если бы весь вопросъ заключался въ устройствѣ съѣзда: конечно, представителямъ трехъ организацій легче съѣхаться, чѣмъ представителямъ 20. Но дѣло не въ расходахъ на переѣздъ и не въ полицейскихъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ съѣздъ.

Продолжительная (въ теченіе 4 лѣтъ) разобщенность организацій необходимо влекла за собою и разобщенность духовную. Время экономизма оставило намъ цѣлый рядъ маленькихъ партій-комитетовъ, между которыми не было да и не могло быть полнаго согласія ни въ программѣ, ни въ боевой тактикѣ. А безъ такого согласія объединеніе невозможно, все равно, будетъ ли сто комитетовъ или только четыре районныхъ организацій.

Далѣе. Допустимъ, что между всѣми (или между значительнымъ большинствомъ) дѣйствующихъ организацій установилось такое согласіе. Въ такомъ случаѣ образованіе одной партіи обезпечено. Но организація партіи еще не достигнута однимъ съѣздомъ и выборомъ Центральнаго комитета. Организоваться не значитъ только объединиться. Центральный комитетъ нуженъ не для украшенія партіи, а для того, чтобы исполнить ту работу, которую теперь не могутъ исполнить отдѣльные комитеты. Онъ долженъ дать самую разнообразную литературу, онъ долженъ вести широкую политическую агитацію своей газетой, своими прокламаціями, онъ долженъ слѣдить за каждымъ шагомъ правительства, за каждымъ явленіемъ общественной жизни, чтобы воспользоваться ими въ цѣляхъ рабочей партіи; онъ долженъ внимательно наблюдать ходъ работы въ комитетахъ, соединить въ себѣ весь ихъ опытъ, чтобы всегда быть готовымъ придти на помощь имъ, когда они въ важный моментъ своей жизни нуждаются въ немъ; онъ долженъ оберегать непрерывность соц.-демократическихъ организацій, создавать ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ или гдѣ они погибаютъ, укрѣплять тамъ, гдѣ онѣ слабы. Для того, чтобы исполнить эту работу нуженъ цѣлый механизмъ, который не можетъ быть созданъ мгновенно, „по щучьему велѣнію“. Этой работой центральной организаціи комитеты освободятся отъ того непосильнаго бремени, которое лежитъ на нихъ теперь. Характеръ дѣятельности комитетовъ измѣнится, и подъ вліяніемъ этого измѣнится самая организація ихъ. Самое понятіе комитета, какъ чего-то совершенно отдѣльнаго, самостоятельнаго во всѣхъ сторонахъ дѣятельности, исчезнетъ. Комитеты станутъ тѣмъ, чѣмъ они должны быть: комитетами партіи, ведущими агитацію на мѣстахъ, организующими народные протесты и руководящими ими въ полномъ согласіи и по одному плану во всей Россіи.

Мы не предлагаемъ тутъ никакого плана, мы хотимъ только указать, что дѣло организаціи партіи не исчерпывается однимъ избраніемъ Центральнаго Комитета. Это дѣло уже началось давно, съ тѣхъ поръ, какъ началась социал-демократическая дѣятельность и будетъ продолжаться Центр. Комитетомъ, избраннымъ на будущемъ съѣздѣ, который необходимъ для того, чтобы та работа, которая теперь ведется по необходимости частными организаціями, велась дружными силами всей партіи.

Созваніе съѣзда всегда было завѣтной мечтой социалдем. организацій. Въ прошломъ 1902 г. была сдѣлана рѣшительная попытка перенести эту мечту въ дѣйствительность. Весною состоялась конференція наиболѣе крупныхъ организацій, на которой созваніе съѣзда было признано неотложнымъ дѣломъ. Однако наступившія демонстраціи прервали занятія избранной для подготовки второго съѣзда комиссіи. Занятія эти возобновились только осенью съ образованіемъ Организаціоннаго Комитета, который поставилъ дѣло объединенія на прак-

---

было прочитать бодрую энергію борьбы, сознаніе своей сплоченности и силы. И въ самомъ дѣлѣ чувствовалась огромная сила этой возбужденной, бурливой толпы рабочихъ, открыто бросившихъ вызовъ въ лицо зазнавшимся, сытымъ капиталистамъ, чувствовалась мощь массы людей, сознавшихъ тяжесть своего гнета и одушевленныхъ однимъ общимъ желаніемъ—возстать противъ своихъ угнетателей.... Тамъ и сямъ въ толпѣ громко читались воззванія, слышались рѣчи ораторовъ—рабочихъ, обращавшихся къ кучкамъ жадно слушавшихъ ихъ людей... „Другой очевидецъ пишетъ:„ Начальникъ мастерскихъ Дзевонскій перепугался, бѣжитъ: „Охъ, господа, что вы дѣлаете. Бросьте это дѣло, идите работайте.“—„Нѣтъ, не пойдемъ,“ отвѣчаютъ рабочіе...

Вскорѣ не замедлили явиться и жандармы вмѣстѣ съ управляющимъ дорогой Иноземцевымъ. Предложеніе жандармскаго полковника быть посредникомъ было отклонено, причемъ жандарма и Иноземцева буквально засыпали прокламаціями. Тутъ же по предложенію Иноземцева были составлены требованія (26 пунктовъ), которыя были единогласно утверждены всѣми рабочими и затѣмъ переданы Иноземцеву, который заявилъ, что самъ онъ не имѣетъ де права удовлетворить ихъ, а пошлетъ въ министерство. Ораторомъ-рабочимъ И. И. Ставскимъ была произнесена рѣчь, въ которой указывалось на необходимость борьбы съ капиталистами и правительствомъ. Затѣмъ рѣшено было собраться тутъ же на слѣдующій день.

5 ноября на сходку явились не только рабочіе, но и много публики, такъ какъ вѣсть о стачкѣ быстро распространилась по всему городу. Сходка прошла очень оживленно, благодаря присутствію двухъ ораторовъ, изъ которыхъ одинъ буквально „глаголомъ жегъ сердца людей“. Рабочіе были очень возбуждены революціонными рѣчами, которыя они впервые слышали.

Сходки происходили и во всѣ послѣдующіе дни, съ каждымъ днемъ все увеличиваясь, такъ что 8 ноября пришлось перемѣнить мѣсто сходокъ: дворъ оказался уже черезчуръ тѣснымъ. Собирались въ балкѣ, находящейся между Затемерницкимъ поселеніемъ (предмѣстье города) и Гниловской станціей. На сходкѣ присутствовало до 10 тысячъ человѣкъ. Сходки происходили безъ особыхъ событій. Толпа проявляла удивительную дисциплинированность и внимательно слушала ораторовъ. Стоило оратору появиться на возвышеніи и поднять руку, какъ мгновенно 15—20 тысячная толпа замирала и воцарялась мертвая тишина. Такъ было даже на сходкѣ въ воскресенье 10 ноября, когда собралось не менѣе 30 тысячъ человѣкъ.

тическую почву. Изъ обращенія Организаціоннаго Комитета къ соц.-дем. организаціямъ видно, что созваніе 2-го съѣзда партіи является его главной задачей. Съѣздъ однако не можетъ быть созванъ въ нѣсколько недѣль, для этого потребуется болѣе продолжительное время. Въ это предварительное время Организаціонный Комитетъ беретъ на себя нѣкоторыя обязанности, которыя въ будущемъ будетъ исполнять Центральный комитетъ партіи. Это какъ разъ тѣ стороны дѣятельности его, к-рыя по самому существу своему не требуютъ какихъ-нибудь полномочій отъ входящихъ въ партію организацій, являясь простыми услугами мѣстнымъ организаціямъ (доставка литературы, изданіе листковъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ въ литературѣ всякаго рода, недостатокъ, переходящій мѣстами въ настоящій литературный голодъ, особенно больно даетъ себя чувствовать. Въ этомъ отношеніи Организаціонный Комитетъ какъ нельзя болѣе идетъ на встрѣчу требованіямъ минуты.

* *
*

Оглядываясь на пережитый годъ, мы не можемъ не проникнуться вѣрой въ свѣтлое будущее рабочаго движенія въ Россіи. Едва начавшись, еще нестройное, неорганизованное, оно представляетъ уже огромную общественную силу, которая заставляетъ содрогаться правительство. Напрасно пр-во старается подавить его всѣми своими силами и всѣми звѣрскими средствами. Движеніе не утихаетъ, но только крѣпнетъ подъ этими ударами. Оно разливается все шире и шире, объединяется все тѣснѣе и тѣснѣе. Мы переживаемъ торжественный моментъ: подъ громъ демонстрацій нарождается великая сила.

ДВѢ СТАЧКИ УГЛЕКОПОВЪ.

1) Стачка французскихъ углекоповъ.

Вся новая исторія представляетъ собою борьбу двухъ классовъ: класса капиталистовъ и класса рабочихъ. Капиталисты, захвативъ всѣ средства производства, стараются возможно болѣе эксплуатировать рабочаго. Рабочій же старается облегчить гнетъ этой эксплуатаціи, чтобы въ концѣ концовъ совсѣмъ освободиться отъ нея, уничтоживъ частную собственность на средства производства.

Посмотримъ, какъ борятся съ этими эксплуататорами наши заграничные товарищи.

Изъ нашихъ холодныхъ странъ перенесемся въ чужіе края. Представимъ себѣ, что мы съ вами, товарищи, въ Парижѣ, въ въ концѣ сентября 1902 года.

Заходящее солнце вспыхиваетъ багрянцемъ на стеклахъ. Въ тепломъ, чистомъ воздухѣ дрожитъ смѣхъ, говоръ, грохотъ экипажей. Жизнь, обыденная жизнь Парижа, бьетъ ключемъ на улицахъ. Пробираясь межъ снующихъ пѣшеходовъ, лавируя межъ гремящихъ каретъ, прогуляемся по городу. На тротуарахъ передъ ресторанами столики. За столиками пьютъ и ѣдятъ дамы и мужчины. На углахъ улицъ стеклянныя бесѣдочки для продажи газетъ. На столикахъ продавщицы-цвѣточницы разложили свои цвѣты. Всюду говоръ, смѣхъ, споры.

„Стачка! Всеобщая стачка! Стачка углекоповъ!“ доносится вдругъ до нашего слуха отовсюду. „Стачка!“ Знакомое слово! Вѣдь мы сами когда-то устраивали стачку. Помните, товарищи? Сошлось насъ трое молодыхъ въ лачужкѣ на краю города побесѣдовать, о дѣлахъ поговорить. Сильно сталъ донимать насъ хозяинъ вычетами и тяжелой работой. Недоволенъ народъ, а протестовать и слышать боятся. Собралось насъ потомъ въ лѣсу человѣкъ 15. Сговорились. „Чтожъ, давайте, мы начнемъ“. Нашли ходъ къ „комитету“. Передали всѣ свѣдѣнія. Черезъ двѣ недѣли у насъ въ рукахъ была уже цѣлая пачка гектографированныхъ прокламацій. Забрались мы ночью тайкомъ въ мастерскую, позасовали прокламаціи въ станки. Результатъ получился замѣчательный. Черезъ 3 дня мы уже всей тысячей стояли передъ фабрикой, и въ фабрику ни одинъ. Потомъ налетѣли казаки, полиція... Потомъ насъ таскали по допросамъ, морили въ тюрьмахъ.

„Прокламація“! Вынырнулъ вдругъ изъ-подъ ногъ парижскій мальчишка, прерывая наши русскія воспоминанія.... Какъ варомъ обварило отъ этого слова! За чтенье такихъ прокламацій 4 мѣсяца каталажились мы по тюрьмамъ, — „Прокламація“! сбиваетъ насъ съ ногъ другой. „не надо! Проходи мимо“. — „Прокламація центральнаго комитета“ — оретъ третій.—„Проходи, милый человѣкъ, мимо“. Но, позвольте, всѣ парижане хватаютъ съ жадностью, а мы, русскіе, почему же боимся? Афишный столбъ, на столбѣ красный листъ, а на листѣ напечатано: „къ товарищамъ“!

Какой-то центральный комитетъ національнаго союза французскихъ углекоповъ сообщаетъ, что шахтовладѣльцы отказались сдѣлать требуемыя уступки, и потому объявляетъ на завтрашнее утро всеобщую забастовку. Несомнѣнно, это и есть прокламація. Но почему же всѣ вслухъ, толпой читаютъ, а постовой стоитъ и въ усъ не дуетъ? Или онъ очень глупъ или.... во Франціи что-нибудь не такъ, какъ въ Россіи,

Возьмемъ у мальчишки прокламацію. Прокламація оказывается „вечернимъ прибавленіемъ“ газеты, а въ газетѣ на первомъ мѣстѣ напечатано: „Полчаса тому назадъ національный комитетъ углекоповъ постановилъ съ завтрашняго утра начать всеобщую стачку“. И ниже—текстъ прокламаціи, которую мы только что прочли. Оказывается, во Франціи прокламаціи даже въ газетахъ печатаются. Еще ниже напечатана прокламація того же комитета „Къ солдатамъ“. Напоминаютъ послѣднимъ, что они тоже дѣти пролетаріевъ и, что поэтому не должны идти противъ своихъ же братьевъ.

Заворачиваемъ за уголъ. Подъ огромнымъ зданіемъ, двор-

Между тѣмъ пока происходили сходки и ежедневно произносились громовыя рѣчи противъ самодержавія, разстерявшаяся по началу администрація начала понемногу стягивать въ городъ войска и собираться съ силами. Изъ Новочеркасска (областной городъ) прибылъ атаманъ со всѣмъ штабомъ и до 1500 казаковъ. Городъ представлялъ собою рѣдкую картину. Посторонній человѣкъ, попавшій въ Ростовъ и не знающій о стачкѣ, могъ бы подумать, что готовится война. По улицамъ съ громкимъ пѣніемъ разъѣзжали сотни казаковъ въ полномъ боевомъ вооруженіи, тянулись рядами дроги съ фуражемъ, патронами и даже пушки. По всѣмъ телефоннымъ и телеграфнымъ столбамъ, по стѣнамъ домовъ было расклеенно обычное составленное по трафарету „обязательное постановленіе“. Вся полиція высыпала на главную улицу, откуда-то появилось несмѣтное количество шпіоновъ. По главной улицѣ, ведущей на вокзалъ, а оттуда на Темерникъ, ежедневно въ 10 часовъ огромный потокъ людей, извозчиковъ и переполненныхъ вагоновъ трамвая тянулся на сходку, а въ 3 часа такой же потокъ отливалъ обратно со сходки. Оживленіе въ городѣ было понятнѣ праздничное и настроеніе какое-то тревожное. Всюду только и говорили о стачкѣ: въ парикмахерскихъ, баняхъ, магазинахъ, вагонахъ трамвая и т. д. Стачка отразилась очень сильно на торговлѣ. Наступилъ для торговцевъ тяжелый кризисъ; всѣ терпѣли отъ стачки убытки, даже, какъ это ни странно, аптеки. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что по округу разнеслись самые нелѣпые слухи, будто въ Ростовѣ чуть ли не гражданская война, что правительственныя войска осадили городъ, въ которомъ „заперлись“ „инсургенты“, идетъ бомбардировка города и т. д.

Что касается остальныхъ фабрикъ и заводовъ, то стачка тамъ вызвала сильнѣйшее броженіе. Началась буквально эпидемія стачекъ. Бастовали чуть ли не всѣ заводы и фабрики, бастовали ремесленники: булочники, переплетчики. Но забастовки носили безпорядочный характеръ. Бросали работу, потомъ начинали работать и снова бросали, требованій не предъявляли, а если и предъявляли, то, за исключеніемъ 2—3 случаевъ, не замѣчалось никакой организованности и стойкости въ борьбѣ съ хозяевами. Забастовали было трамвайные служащіе, но ихъ вскорѣ удовлетворили обѣщаніемъ повысить плату и выдать разсчетныя книжки. На нѣкоторыхъ фабрикахъ бастовала лишь часть рабочихъ, а другая часть продолжала работать. Въ большинствѣ же случаевъ бастовали лишь для того, чтобы ходить на сходки. Даже приказчики уходили изъ магазиновъ на сходки. Вообще на сходки шли „и старъ и младъ“, и буржуазія, и рабочіе, и

цомъ, намъ загораживаетъ путь возбужденная толпа. Всѣ говорятъ, всѣ суетятся, на лицахъ у всѣхъ живое нетерпѣніе. Безпрерывно подъѣзжаютъ и подходятъ новыя лица. Одни входятъ въ зданіе, другіе выходятъ. Говоръ, споры. Огромная толпа и ни одного полицейскаго. „Какія новости?“—кричатъ выходящему изъ зданія. „Въ бассейнѣ Луары начинаютъ бросать работу“.—„Старыя новости“, ворчитъ господинъ въ цилиндрѣ: „Еще въ полдень было извѣстно. А вы скажите лучше, почему собраніе не расходится? Или они и третій день будутъ сидѣть?“

— „Вырабатывается еще обращеніе ко всѣмъ рабочимъ“ —„Ого, продолжаетъ ворчать господинъ, они сегодня думаютъ наводнить весь міръ прокламаціями“. — „Да, отвѣчаетъ вышедшій: „и затѣмъ сегодня же они выпустятъ еще прокламаціи къ углекопамъ всего міра“. Неужели, товарищи, здѣсь стачка затѣвается? Не уйти ли, пока не нахлынули полиція и казаки?

Успокойтесь, друзья. Казаковъ во Франціи нѣтъ, и никого здѣсь не посмѣютъ тронуть ни за чтеніе прокламацій, ни за печатаніе ихъ, ни за участіе въ стачкахъ или въ публичномъ собраніи. Французскіе рабочіе уже давно переросли тотъ періодъ, когда они должны были для обсужденія своихъ нуждъ прятаться отъ полиціи за городомъ, въ лѣсахъ и оврагахъ, какъ это дѣлается у насъ въ Россіи. Упорной кровавой борьбой, сначала съ самодержавіемъ, а потомъ съ буржуазіей французскій пролетаріатъ добился права политической свободы, т. е. права открыто защищать свои классовые интересы. Онъ добился права свободно собираться для обсужденія своихъ дѣлъ, свободно высказываться устно и въ печати имѣть своихъ представителей, своихъ выборныхъ въ парламентѣ! Это уже не русскій работникъ, рабъ своего хозяина и всякой кокарды, но свободный гражданинъ, имѣющій столько же гражданскихъ правъ, какъ и капиталистъ.

Дворецъ, который вы видите передъ собой, это рабочая биржа, закономъ признанное учрежденіе. Здѣсь помѣщаются центральныя управленія различныхъ рабочихъ союзовъ. Здѣсь же представители союзовъ собираются для выработки общихъ мѣръ, для обсужденія общихъ дѣлъ. Не правда ли, не похожъ этотъ дворецъ на тѣ укромныя мѣста, въ которыхъ принуждены собираться мы, русскіе рабочіе, что бы укрыться отъ шпіоновъ.

Но вниманіе! Двери биржи поспѣшно растворяются и на тротуаръ высыпаетъ группа людей. Раздается громъ апплодисментовъ. Крики: „Да здравствуетъ національный комитетъ! Да здравствуетъ союзъ углекоповъ!“ покрываетъ грохотъ каретъ. Это парижскіе рабочіе привѣтствуютъ вышедшихъ членовъ комитета. Еще нѣсколько мгновеній, и собравшаяся толпа тонетъ въ томъ морѣ, которое называется парижемъ.

„Что же это за стачка“—Спросите вы? Попросимъ же кого-либо изъ знающихъ объяснить намъ. Дѣло идетъ, какъ мы уже узнали, о стачкѣ углекоповъ. Во всей Франціи ихъ 160 тысячъ слишкомъ. Копи разбросаны въ 12 департаментахъ*) и группируются въ пять районовъ: сѣверный, дающій работу $1/2$ углекоповъ, южный — насчитывающій $1/4$ рабочихъ, районъ рѣки Луары (одна осьмая рабочихъ) и еще 2 мелкихъ района. Между шахтовладѣльцами и углекопами съ незапамятныхъ временъ идетъ ожесточенная борьба. И понятно почему: тяжела работа углекопа. Разумѣется и намъ остальнымъ рабочимъ не сладко живется, но углекопу даже и на солнце порадоваться нельзя. Залѣзетъ подъ землю, какъ кротъ, въ узкую длинную нору и долбитъ цѣлый день 10—11 час. подрядъ, лежа на боку, наполовину въ водѣ, наполовину въ угольной пыли, вдыхая вредные газы, одинъ, какъ гвоздь въ стѣнѣ. Вылѣзаетъ къ ночи изъ-подъ земли, и на человѣка не похожъ. Страшно изнуряетъ эта работа, и оттого-то она и поддерживаетъ въ рабочихъ страстное стремленіе улучшить свою долю. Иногда рабочіе пробовали добиться улучшеній путемъ полюбовныхъ соглашеній, устанавливаемыхъ на нѣсколько лѣтъ, иногда дѣло разрѣшалось стачкой. Къ сожалѣнію, тѣ же тяжелыя условія работы, которыя поддерживаютъ въ углекопахъ недовольство своей судьбой, кладутъ на нихъ и глубокій внутренній отпечатокъ. Изнурительная работа, въ тяжелой вредной обстановкѣ, въ одиночку, притупляетъ ихъ умственную способность и не даетъ развиться общественнымъ чувствамъ, чувству солидарности. Это и отражается на исторію ихъ движенія и на ихъ организаціи. Зачастую стачки въ одномъ районѣ, какъ напр., было и въ прошломъ году, не встрѣчали никакой поддержки въ прочихъ районахъ и потому кончились пораженіемъ рабочихъ. Организованы углекопы слабѣе остальныхъ рабочихъ. Ихъ національный союзъ, объединяющій районные комитеты, насчитываетъ только половину, въ лучшемъ случаѣ двѣ третьихъ углекоповъ. Во многихъ мѣстностяхъ нѣтъ никакой организаціи. Большинство углекоповъ принадлежитъ, къ т. н. „умѣреннымъ соціалистамъ“, т. е. стремящимся преимущественно къ экономическимъ реформамъ, въ противоположность „революціоннымъ соціалистамъ“, добивающимся коренного измѣненія существующаго строя. Наконецъ, среди углекоповъ, особенно въ сѣверномъ районѣ многочисленны и т. н. „желтые синдикаты“, т. е. организація рабочихъ не соціалистическія, а, напр., клерикальныя, т. е. состоящія изъ сторонниковъ католическаго духовенства и др.

Сильное движеніе въ пользу стачки появилось еще въ 1901 г. Но членамъ комитета и рабочимъ представителямъ въ парламентѣ удалось не допустить до стачки, которая, по ихъ мнѣнію, въ тотъ моментъ не могла имѣть успѣха. Взамѣнъ этого внесено было въ парламентъ 2 законопроекта: 1) О восьми-часовомъ рабочемъ днѣ и 2) О государственной пен-

*) Приблизительно—нашъ уѣздъ.

ремесленники, и босяки. Не мало было и учащейся молодежи такъ что старшіе классы гимназіи и другихъ среднеучебныхъ заведеній порядкомъ пустовали.

Отъ попытки устроить всеобщую стачку Донской Комитетъ долженъ былъ отказаться, такъ какъ для этой цѣли потребовалось бы несравненно больше силъ, чѣмъ имѣлось у комитета. Приходилось сосредоточить всѣ свои силы на мастерскихъ и постараться возможно лучше использовать сходки для политической пропаганды. Въ виду этого почти ежедневно Донской Комитетъ выпускалъ прокламаціи. Пришлось также отказаться въ этихъ же видахъ, а также и по другимъ соображеніямъ отъ демонстраціи, которая, въ первые дни по крайней мѣрѣ, не могла бы быть подавлена военной силой, еще не собранной въ Ростовѣ въ достаточномъ количествѣ. Но попытка со стороны лица, посторонняго организаціи, вызвать массу на демонстрацію на второй день стачки показала, что на демонстрацію пошла бы только небольшая часть рабочихъ. Большинство же было противъ демонстраціи. Кромѣ того, обсуждая вопросъ о демонстраціи, комитетъ пришелъ къ выводу, что народные митинги съ свободными революціонными рѣчами не меньше революціонизируютъ массу, чѣмъ демонстраціи, хотя послѣднія и являются дѣйствительно болѣе активнымъ способомъ дѣйствія, чѣмъ митинги. Въ смыслѣ же развитія политическаго сознанія въ массѣ народные митинги способны сыграть большую роль, чѣмъ демонстраціи. Мысль объ устройствѣ демонстраціи возникла позже, но тогда осуществленіе демонстраціи оказалось невозможнымъ по чисто стратегическимъ условіямъ. Дѣло въ томъ, что Затемерницкое поселеніе отдѣлено отъ города глубокой долиной съ крутыми боками, по которой протекаетъ небольшая рѣченка Темерникъ. Черезъ послѣднюю переброшены 3 небольшихъ мостика (одинъ изъ нихъ трамвайный). Единственный проходъ въ городъ—черезъ этихъ мостики. Затѣмъ нужно подниматься въ гору сажень 150. Около эти мостовъ администрація и сосредоточила главныя силы; кромѣ того, по горѣ были разставлены еще 2 цѣпи войскъ. При такихъ условіяхъ вести на демонстрацію толпу въ 10—15 тысячъ человѣкъ значило бы превратить ее въ пушечное мясо, вызвать массовыя убійства съ сотнями жертвъ.

Чѣмъ дальше шла стачка, тѣмъ тревожнѣе становилось настроеніе въ городѣ, хотя стачечники вели себя чрезвычайно мирно. Тревожное настроеніе усиливалось цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ. Черезъ городъ ежегодно проходятъ около 10000 новобранцевъ, отправляющихся на Кавказъ. Здѣсь новобранцы останавливаются на день, на два въ ожи-

сіи углекопамъ за 25 л. работу. Первый проэктъ прошелъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ: 8-часовой день вводится только по истеченіи 2 л., а пока устанавливался 9-часовой день. Второй проэктъ застрялъ въ коммиссіи. Какъ бы тамъ ни было, но стачка не состоялась.

Въ 1902 г. обстоятельства круто измѣнились. Лѣтомъ этого года въ 2 большихъ районахъ: сѣверномъ и Луары окончились сроки долголѣтняго соглашенія рабочихъ съ шахтовладѣльцами и послѣдніе сейчасъ же уменьшили плату. Насколько такой поступокъ мало оправдывался обстоятельствами, видно изъ слѣдующаго разсчета: чистая прибыль капиталистовъ за послѣдніе годы возросла съ 60 до 105 милліоновъ, а плата рабочихъ только на 15 милліоновъ. Попробовали было рабочіе вступить въ переговоры съ хозяевами, но тѣ категорически отказались уступить, ссылаясь на плохія дѣла. Рабочіе были раздражены, особенно въ упомянутыхъ районахъ, и грозили стачкой, не желая слушать совѣтовъ руководителей. Въ этомъ же году вспыхнула стачка углекоповъ и въ Америкѣ. Это подлило масло въ огонь.—„Теперь угля не откуда будетъ взять“, говорили углекопы про капиталистовъ и рѣшили немедленно же объявить стачку. Центральному комитету предстояла огромная работа. Первымъ условіемъ для успѣха стачки было тѣсное единеніе, солидарность всѣхъ углекоповъ. Необходимо было, слѣдовательно, выдвинуть такія требованія, вокругъ которыхъ могли бы сплотиться всѣ рабочіе. Необходимо было воспользоваться возбужденіемъ рабочихъ и повести среди нихъ агитацію въ пользу законовъ, облегчающихъ положеніе всѣхъ горнорабочихъ. Это комитетъ и сдѣлалъ: были выработаны слѣдующія требованія: 1) 8-часовой рабочій день; 2) государственная пенсія за 25 л. работу въ размѣрѣ 2 франковъ (франкъ по курсу 37 к.) въ день; 3) реформа горной инспекціи и др.

Однако, пока шла эта работа въ Парижѣ рабочіе сѣвернаго района уже приступили къ забастовкѣ. Комитету оставалось только поспѣшить объявить всеобщую стачку, что онъ и сдѣлалъ.

Итакъ, вечеромъ рѣшена была стачка, а на завтра утромъ рабочіе уже не должны были выходить на работу, уже должны знать, какія имъ выставить требованія. Не должно быть потеряно ни минуты драгоцѣннаго времени, не должно быть никакихъ разногласій. Не прошло и $^1/_4$ часа послѣ рѣшенія вопроса, и зазвенѣлъ телефонъ, затрещалъ телеграфъ, застучали типографскія машины. Запестрѣли столбы отъ прокламацій, полетѣли газеты и депеши во всѣ уголки Франціи, оповѣстить всю 160-тысячную армію, чтобы завтра всѣ уже были готовы. Къ ночи уже вся Франція узнала, что завтра стачка.

Стачка началась сравнительно единодушно. Въ теченіе первыхъ же дней число забастовщиковъ превысило 100 тысячъ, дойдя по нѣкоторымъ даннымъ на 6—7-й день до 150 тысячъ. Больше всѣхъ медлили округа, не встрѣтившіе въ прошломъ году сочувствія своей стачкѣ. Провозгласивъ стачку, комитетъ обратился къ министру-президенту*) съ просьбой оказать содѣйствіе въ разрѣшеніи спора мирнымъ путемъ, путемъ соглашенія или третейскимъ судомъ. Такое содѣйствіе министръ-президентъ обѣщалъ.

Какъ же держались стачечники и какое отношеніе къ себѣ встрѣтили они со стороны? Никто, конечно, не ждалъ, что рабочіе разгромятъ имущество хозяевъ и станутъ совершать насилія.

Тѣ дикія времена, когда это продѣлывалось, къ счастью, миновали. Заграничный рабочій теперь уже достаточно развитъ и понимаетъ, что насилія только на руку капиталистамъ. Это даетъ имъ поводъ въ отвѣтъ пустить въ ходъ тоже насиліе, войско, и въ 2—3 дня покончить со стачкой.

Столкновенія, безъ которыхъ, къ сожалѣнію, рѣдко проходитъ стачка, выражаются чаще всего въ стычкахъ съ т. н. штрейкбрехерами, т. е. рабочими, продолжающими работать. Во время стачки углекоповъ штрейкбрехерами являлись преимущественно члены „желтыхъ синдикатовъ“. На нихъ-то и обрушивалось негодованіе рабочихъ. Ихъ не допускали къ шахтамъ, было нѣсколько случаевъ нападенія на нихъ, разбитія въ ихъ квартирѣ стеколъ и т. д. Было также нѣсколько столкновеній и съ войсками, охранявшими штрейкбрехеровъ, одно даже со смертнымъ исходомъ для рабочаго, по извѣстія объ этихъ случаяхъ, къ счастью, совершенно тонутъ въ массѣ извѣстій о совершенно спокойномъ поведеніи рабочихъ.

Такое спокойное теченіе стачки объяснялось не только отношеніемъ самихъ рабочихъ, но отчасти и поведеніемъ правительства. Министръ-президентъ циркулярно напомнилъ всѣмъ префектамъ о законномъ правѣ рабочихъ устраивать стачки и предостерегалъ ихъ отъ нарушенія этого права. Точно также и войскамъ было предписано избѣгать вызывающихъ дѣйствій. И то и другое сдѣлано было главнымъ образомъ подъ давленіемъ депутатовъ рабочаго класса въ парламентѣ.

Газеты почти единодушно привѣтствовали стачку. Только органы капиталистовъ вопили, что стачка грозитъ революціей. Извѣстно, впрочемъ, что такова ужъ болѣзнь капиталистовъ—переживать революцію всякій разъ, когда рабочіе принуждаютъ ихъ къ уступкамъ. Впрочемъ, т. к. обыватель больше боялся скорѣе недостатка угля въ виду приближенія зимы, чѣмъ революціи, то капиталисты и напирали больше на то, что недостатка не будетъ, что въ Англіи, Германіи и Бельгіи лежатъ огромные запасы угля, вслѣдствіе всемірнаго кризиса въ обрабатывающей промышленности.

Что же дѣлали другіе члены великой всемірной семьи рабочихъ? Мы уже знаемъ, что комитетъ углекоповъ обратился

*) Такъ называется лицо, которому глава государства (во Франціи президентъ республики) поручаетъ по своему выбору подобрать министровъ.

данія воинскихъ поѣздовъ. И это время всегда бываетъ нѣсколько тревожнымъ, такъ какъ наборъ всегда вызываетъ какое-то смутное броженіе, какъ среди новобранцевъ, такъ и среди всего населенія. И вотъ въ самый моментъ набора по всему городу и въ помѣщеніи гдѣ наборъ производится, появляются прокламаціи Донского Комитета „къ новобранцамъ“, вызывающія большое сочувствіе и часто передаваемыя одной партіей другой, вновь прибывшей. Затѣмъ раннее и неожиданное прекращеніе навигаціи оставило безъ работы много береговыхъ рабочихъ, большая часть которыхъ—„босяки“, зимующіе въ Ростовѣ. Наконецъ, за Нахичеванью каждую осень производится массовая рѣзка овецъ и топка сала (число овецъ доходитъ до 3 милл). На салотопенныхъ заводахъ (сиитаны, какъ ихъ здѣсь называютъ) работаетъ много рабочихъ сплошь изъ самаго темнаго деревенскаго люда. Не проходитъ года, чтобы тамъ не произошло какой-нибудь невѣроятной драки или бунта. Что происходило тамъ въ нынѣшнемъ году—еще не выяснено, но творилось что-то необычайное, происходила какая-то страшная свалка, разгромъ и т. п. —как разъ въ разгаръ стачки.

И вотъ въ такой то тревожный моментъ, въ понедѣльникъ 11 ноября, на Темерникѣ раздались первые выстрѣлы. Накапунѣ въ воскресенье состоялась небывалая сходка въ 30 тысячъ человѣкъ. Прекрасная погода, яркое солнце и синее небо, огромная пестрая толпа, облѣпившая всю балку, мертвая тишина и громкій, звучный голосъ оратора—все это производило сильнѣйшее впечатлѣніе. На самихъ ораторовъ эта картина внимающей каждому ихъ слову 30 тысячной толпы произвела возбуждающее дѣйствіе и рѣчи ихъ въ этотъ день были особенно сильны. Необходимо замѣтить, что часть рабочихъ еще въ самомъ началѣ была противъ политическихъ рѣчей. Чѣмъ дальше шла стачка, тѣмъ все больше и больше увеличивались сторонники революціонныхъ дѣйствій, жадно слушавшихъ политическія рѣчи, отъ сторонниковъ „мирной стачки“. Не безъ вліянія въ этомъ отношеніи остались многочисленные шпіоны и переодѣтые городовые и жандармы, рыскавшіе въ толпѣ. Въ виду того, что смутное вначалѣ недовольство политическими рѣчами къ концу недѣли вылилось въ болѣе опредѣленныя формы, Донской Комитетъ рѣшилъ посвятить воскресный день, когда ожидалось особенно много народу, выясненію вопроса: „почему мы произносимъ политическія рѣчи?“ Такъ и было сдѣлано: вся сходка прошла въ рѣзкихъ, политическихъ рѣчахъ.

Неудивительно, что на слѣдующій день администрація

съ воззваніемъ о содѣйствіи ко всѣмъ остальнымъ рабочимъ Франціи, а также и къ углекопамъ всего міра. Сочувственные отклики получились съ разныхъ сторонъ. Англійскіе, нѣмецкіе и бельгійскіе углекопы рѣшили препятствовать хозяевамъ усиливать добычу угля. Бельгійцы даже забастовали на нѣсколько дней. Нѣмцы прислали 5 тысячъ франковъ, международное о-во углекоповъ—25 тыс. франковъ. Въ концѣ 2-ой недѣли изъ сочувствія объявили стачку портовые рабочіе въ гаваняхъ, въ к-ыхъ разгружается англійскій уголь. Стачка эта, однако, продержалась лишь 2—3 дня. Около этого же времени 50 представителей всѣхъ рабочихъ союзовъ Франціи, собравшись по приглашенію углекоповъ въ Парижѣ, въ зданіи своей биржи, рѣшили согласиться на предложеніе углекоповъ о всеобщей стачкѣ. Но помощь оказалась уже запоздалой.

Уже въ первую недѣлю послѣ объявленія стачки движеніе, начатое такъ дружно, подъ знаменемъ общихъ требованій, пошло въ разбродъ. Одной изъ причинъ былъ недостатокъ средствъ. Денегъ, собранныхъ за долгое время приготовленія къ стачкѣ, не хватило на такую огромную армію. Неблагопріятнымъ обстоятельствомъ оказалось дальше то, что на заграничныхъ рынкахъ дѣйствительно оказалось достаточно свободнаго угля. Къ тому же, несмотря на пошлины, онъ сталъ не много дороже французскаго, потому что добивался преимущественно машиннымъ путемъ. Но одной изъ главныхъ причинъ разброда была недисциплинированность рабочихъ, отсутствіе развитого чувства солидарности. Какъ только дружное массовое начало оказало свое дѣйствіе на всѣ свои о-ва, наиболѣе заинтересованный въ движеніи съ экономической стороны сѣверный районъ рѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и уполномочилъ свой районный комитетъ начать устные переговоры съ хозяевами, выставивъ лишь слѣдующія скромныя требованія: 1) повысить заработокъ; 2) установить минимумъ платы; 3) уничтожить чрезмѣрную работу; 4) не увольнять изъ-за стачки; 5) установить контроль надъ платой.

Чтожъ осталось дѣлать остальнымъ районамъ, заключавшимъ въ себѣ меньше половины всѣхъ стачечниковъ? Конечно выставить каждому только свои отдѣльныя экономическія требованія. Это они и сдѣлали. О широкой программѣ теперь, конечно, и думать было нечего.

Такъ общая стачка всѣхъ углекоповъ противъ всѣхъ шахтовладѣльцевъ разбилась на рядъ отдѣльныхъ стачекъ рабочихъ каждаго района противъ ихъ хозяевъ. Нѣкоторые районы, особенно примкнувшіе послѣдними, пошли еще дальше и принялись за работу на вторую и на третью недѣлю.

Видя печальный исходъ стачки, рабочіе депутаты въ парламентѣ въ концѣ второй недѣли произвели давленіе на правительство, съ цѣлью скорѣе добиться согласія капиталистовъ на третейскій судъ. Но тѣ и не заставляли себя долго упрашивать. Теперь, когда теченіе разбилось на отдѣльные ручьи, способность рабочихъ сопротивляться была сокрушена, хозяева согласились. Сѣверный районъ сдѣлалъ, однако, еще одинъ промахъ. Съ просьбой объ указаніи третейскаго судьи онъ не нашелъ обратиться ни къ кому лучше, какъ къ министру. Тотъ прислалъ своего чиновника. Чиновникъ, конечно, посмотрѣлъ на дѣло глазами капиталистовъ, и въ результатѣ 23 октября нашелъ возможнымъ удовлетворить лишь одно требованіе—о пенсіяхъ—да и то лишь отчасти: хозяева должны были внести извѣстную сумму въ существующія пенсіонныя кассы рабочихъ.

Послѣ такого плачевнаго результата всѣмъ другимъ районамъ нечего было ожидать лучшаго, и они одинъ за другимъ стали приниматься за работу. Сѣверный районъ, правда, протестовалъ публично противъ такого рѣшенія, но не принять его не могъ, т. к. самъ добивался третейскаго суда. 31 окт. и здѣсь рѣшоно было начать работу. Такъ печально окончилась стачка, тянувшаяся немного больше мѣсяца. Въ итогѣ она дала лишь обогащеніе пенсіонной кассы на нѣсколько милліоновъ франковъ. Но въ теченіе ея рабочіе гораздо больше потеряли. Общій убытокъ рабочихъ и капиталистовъ достигаетъ 40 милл. франковъ.

Мы разсмотрѣли здѣсь причины неудачи стачки. Мы видѣли, что причины эти лежатъ отчасти во внѣшнихъ, независящихъ отъ воли рабочихъ условіяхъ, отчасти въ самихъ рабочихъ. Стачка разыгралась въ неблагопріятный моментъ. Тѣ, кто могъ оказать давленіе на углепромышленниковъ, потребители ихъ угля, оказались обезпеченными углемъ. Сами шахтовладѣльцы легко выносили стачку, т. к. предыдущій годъ далъ имъ прекрасный барышъ. Но причина неуспѣха, какъ мы видѣли, лежала отчасти и въ томъ, что благодаря безобразнымъ условіямъ ихъ труда, французскіе углекопы не достигли еще того уровня сознательности, при которомъ рабочіе отдѣльной отрасли промышленности способны приносить въ жертву свои особые интересы, если того требуютъ интересы общаго дѣла.

Однако, несмотря на ея неуспѣхъ, стачка французскихъ углекоповъ для насъ, русскихъ рабочихъ, интересна въ различныхъ отношеніяхъ. Прежде всего на примѣрѣ этой стачки мы видимъ, какъ необходима политическая свобода для такой массовой борьбы. Передъ нами прошла исторія такой огромной стачки, мы видѣли, какъ дѣйствовалъ ея сложный механизмъ, какихъ усилій, какой массы работы потребовала она, работы, совершенно немыслимой въ странѣ, гдѣ каждый шагъ общественнаго дѣятеля совершается подъ зоркимъ наблюденіемъ полицейскаго участка.

Разсмотримъ это подробнѣе.

Мы видѣли, что стачка охватила больше 100.000 челов. Ниже мы познакомимся еще со стачкой американскихъ углекоповъ, гдѣ участвовало болѣе 150.000 чел. Такія огромныя цифры участниковъ не случайность. Это неизбѣжное слѣдствіе

рѣшила прекратить эти мирныя, но опасныя сходки. Однако нерѣшительность и неумѣлость администраціи сказалась и въ этотъ день. Съ утра казаки начали разгонять собравшихся, но были отбиты съ урономъ, потерявъ нѣсколько пикъ, которыя были у нихъ отняты женщинами. Были легко раненые съ обѣихъ сторонъ. Сходка состоялась и была очень многочисленна (15—20 тысячъ чел.), но мѣсто сходки пришлось перемѣнить, такъ какъ балка была занята множествомъ казаковъ. Такъ какъ новое мѣсто сходки было неудобно, то сходка потеряла свой прежній характеръ. Ораторовъ могли слышать только нѣсколько сотъ человѣкъ. Остальные толпились, ходили, переговаривались и читали прокламаціи. Это вызывало множество неудобствъ и столкновеній. Дѣло въ томъ, что максимальное число прокламацій, которыя могъ выпустить Донской Комитетъ, доходило лишь до 2500, а случалось, что по разнымъ обстоятельствамъ выпускалось 1200—1500. Такое число было незначительно для огромной толпы, которая къ тому со страшной жадностью набрасывалась на нихъ. На одномъ распространителѣ разорвали пальто, другого такъ сдавили, что онъ чуть не упалъ въ обморокъ.

Сходка въ понедѣльникъ закончилась въ 3 часа, всѣ разошлись, осталось человѣкъ 500 главнымъ образомъ мальчишки, которые затѣяли съ конными казаками 50 чел. цѣлую борьбу. 5 разъ казаки бросались на мальчишекъ въ атаку и 5 разъ позорно отступали, осыпанные градомъ камней. Тогда ихъ увели, а на ихъ мѣсто появилась полусотня пѣшихъ казаковъ, которые безъ всякаго предупрежденія дали залпъ въ толпу. 6 человѣкъ было убито и до 20 ранено.

Выстрѣлы вызвали въ городѣ сильнѣйшую тревогу и возмущеніе. Больше всего испугалась буржуазія и администрація. Боялись, что выстрѣлы вызовутъ народное возстаніе, которое поведетъ къ страшнымъ погромамъ. Еще за нѣсколько дней до этого депутаты отъ рабочихъ сообщили атаману, что рабочіе пойдутъ на городъ въ случаѣ, если казаки пустятъ въ ходъ нагайки или ружья. Администрація приняла немедленно свои мѣры, чтобы предупредить собы[illegible]. За ночь по городу было расклеено... „Душевное слово русскимъ рабочимъ“ генерала отъ самодержавія Богдановича. Сначала выстрѣлы, а затѣмъ душевное слово. Кромѣ того проходъ на Темерникъ былъ оцѣпленъ, и никого не пропускали на сходку, хотя многіе умудрялись пробираться окольными путями. Наконецъ съ мѣста сходки были совершенно удалены казаки. Съ своей стороны Донской Комитетъ также принялъ свои мѣры. Опасаясь, что выдержанное движеніе рабочихъ можетъ благодаря провоцированію выра-

современному техническихъ условій производства. Безпрерывно растущая армія безработныхъ, легкая возможность достать дешевыхъ рабочихъ изъ малокультурныхъ странъ, вмѣстѣ со все увеличивающимся упрощеніемъ техническихъ условій работы, соединеніе въ синдикаты предпринимателей отдѣльныхъ отраслей, все это требуетъ, чтобы для успѣха стачки въ ней приняло участіе возможно большее число рабочихъ данной промышленности.

Вся эта масса рабочихъ должна быть сорганизована. Но развѣ безъ политической свободы, въ частности безъ свободы собраній, свободы слова, свободы печати, возможно сорганизовать 100—150 тыс. человѣкъ. Развѣ такой союзъ можетъ оставаться тайнымъ? Во главѣ союза долженъ стоять комитетъ, извѣстный всѣмъ или по крайней мѣрѣ большинству участниковъ, выбранный ими, пользующійся полнымъ довѣріемъ ихъ. Но развѣ безъ свободы сообществъ возможенъ выборъ довѣренныхъ лицъ сотней тысячъ человѣкъ? Развѣ на нашихъ глазахъ не проваливаются моментально комитеты, тайно выбранные одной какой-нибудь фабрикой?

Стачка есть война. Война требуетъ быстроты сообщеній. Но развѣ безъ политической свободы, въ частности безъ свободы устныхъ и письменныхъ сношеній возможна быстрая передача извѣстій и предписаній? Развѣ мы, напр., гдѣ-нибудь въ Кіевѣ, не узнаемъ только черезъ двѣ недѣли послѣ ростовской стачки о происшедшемъ?

Ростъ промышленности чрезвычайно усложняетъ условія рынка, требуетъ чрезвычайно хорошаго знакомства съ положеніемъ всемірнаго рынка по отношенію къ данной промышленности, всесторонняго взвѣшиванья всѣхъ обстоятельствъ, чтобы выбрать удобный для стачки моментъ. Но развѣ безъ политической свободы возможно огромному тайному союзу цѣлыми годами подготовляться и выжидать благопріятнаго стеченія обстоятельствъ?

Съ ростомъ богатствъ отдѣльныхъ капиталистовъ съ уменьшеніемъ числа конкурентовъ, капиталисту все легче выдерживать стачку, а рабочему все дольше приходится ее. Для этого надобны сотни тысячъ рублей. Но развѣ безъ политической свободы рабочимъ возможно собрать такія деньги?

Теперь мы со словъ „Искры“ познакомимся еще съ одной замѣчательной стачкой, стачкой углекоповъ въ Америкѣ и тогда еще разъ зададимъ себѣ вопросъ: возможна ли такая борьба въ Россіи, а только такая организованная борьба и можетъ обезпечить успѣхъ безъ сомнѣнія. Вы отвѣтите: нѣтъ. Намъ, русскимъ рабочимъ, надо сначала завоевать себѣ политическую свободу, а потомъ вести экономическую борьбу.

Стачка въ политически свободной странѣ вотъ форма этой экономической борьбы. Когда рабочій сбрасываетъ оковы политическаго безправія, когда между нимъ и его эксплуататорами не останется никого, онъ вступаетъ въ непосредственную борьбу, лицомъ къ лицу съ своимъ врагомъ. Здѣсь ничто не затмѣняетъ сознанія рабочаго, здѣсь борьба двухъ враждебныхъ классовъ происходитъ въ частномъ видѣ, ясно и просто. Вовлекая французскую націю въ какую-нибудь войну изъ-за интересовъ своего кармана, капиталисты всегда говорятъ о благѣ государства, объ интересахъ всего французскаго народа и подчасъ спутываютъ въ умѣ рабочаго понятіе о его врагахъ и друзьяхъ. Въ этой войнѣ безъ пороха и пуль, въ войнѣ—стачкѣ для рабочаго отчетливо и ясно разграничиваются его друзья отъ его враговъ. Здѣсь онъ видитъ, что нѣтъ одного французскаго народа и нѣтъ у этого народа общаго блага. Еще; французскаго рабочаго поддерживаютъ рабочій нѣмецъ, англичанинъ, американецъ; а французъ-хозяинъ идетъ противъ него. Ясно, что у рабочаго одной страны больше связи съ рабочимъ-чужестранцемъ, чѣмъ съ своимъ соплеменникомъ-французомъ. Въ этой же стачкѣ ясно обозначилось распаденіе о-ва на 2 класса: одинъ, необходимый для хозяйственной жизни страны, составляющій значительную часть ея населенія—классъ рабочій, отказъ которыхъ отъ работы останавливаетъ цѣлую сѣть различныхъ колесиковъ промышленной жизни; другой—ничтожный и по количеству и по своей роли въ производствѣ—классъ капиталистовъ. Ясно за кѣмъ должна остаться побѣда въ борьбѣ.

2) Стачка американскихъ углекоповъ.

22-го октября пронзительные свистки нарушили мирную тишину, царившую въ поляхъ Пенсильваніи (одинъ изъ штатовъ, т. е. областей Сѣверной Америки) впродолженіе болѣе 5 мѣсяцевъ 150.000 углекоповъ прекратили свой вынужденный покой и, опять отозвавшись на зовъ свистковъ, спустились въ кромѣшный адъ подземныхъ копей. Эта только что кончившаяся великая стачка поучительна во многихъ отношеніяхъ.

Когда она около 5 мѣсяцевъ тому назадъ началась, трудно было предположить, что по своему исходу она будетъ чѣмъ-нибудь отличаться отъ многихъ другихъ крупныхъ стачекъ, которыя такъ часто здѣсь повторяются.

Интенсивный процессъ концентраціи капиталовъ и развитія трэстовъ (союзъ предпринимателей), расширяющій съ головокружительной быстротой производство, хотя и увеличиваетъ въ такой же степени размѣры профессіональныхъ организацій рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно уменьшаетъ ихъ шансы на успѣхъ въ экономическихъ схваткахъ съ крупными капиталистами. Послѣдніе не стѣсняются обыкновенно никакими средствами и для нихъ „политика“ въ этой борьбѣ такъ же хороша, какъ и „экономика“.

Въ началѣ стачки директоръ каменноугольнаго трэста г. Бэръ, слѣдующимъ образомъ характеризовалъ ходъ этого рода столкновеній: „Стачка, вѣроятно, скоро кончится“, говорилъ онъ, желая успокоить общественное мнѣніе. „Мы найдемъ до-

---

зиться въ погромъ. Комитетъ обратился ко всѣмъ гражданамъ съ прокламаціей, снимая съ себя всякую отвѣтственность за могущія произойти событія, а доказывая, что эта отвѣтственность цѣликомъ ложится на администрацію, не только не старавшуюся удалить „призракъ опасности“, но всячески противившуюся удовлетворенію рабочихъ, и призывая всѣхъ ни въ коемъ случаѣ не производить погрома. Настроеніе на сходкѣ было очень бурное: рабочіе явились вооруженными. На мѣстѣ побоища остался трупъ одного изъ убитыхъ и толпа въ теченіи цѣлыхъ часовъ дефилировала около него. Появились новые ораторы и нѣкоторые изъ нихъ стали призывать къ демонстраціи.. Этотъ призывъ противорѣчилъ планамъ Донского Комитета, такъ какъ онъ, сознавая всю важность и опасность такого шага полагалъ, что къ нему можно прибѣгнуть лишь въ крайнемъ случаѣ, если казаки начнутъ производить на Темерникѣ звѣрства и насилія. Предпологалось что въ такомъ случаѣ Темерничане постараются прорваться въ городъ, а ростовскіе рабочіе нападутъ на казаковъ съ тыла. Поэтому въ вышеупомянутой прокламаціи находился также призывъ ростовскихъ рабочихъ къ защитѣ Темерничанъ. Къ счастью по вопросу о демонстраціи на сходкѣ произошло между ораторами разногласіе и собравшіеся, сознавая всю опасность такого шага, отказались отъ этой мысли. Иначе долина Темерника оросилась бы потоками человѣческой крови и была бы завалена трупами. Сходки продолжались и въ слѣдующіе дни, но съ каждымъ днемъ составъ ихъ становился малочисленнѣе, такъ какъ городъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ Темерника и проникнуть туда было невозможно.

14 ноября состоялась послѣдняя сходка, на которую единственный оставшійся ораторъ (второй отдался въ руки жандармеріи еще 11 ноября подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго потрясенія вызваннаго бойней),—не могъ проникнуть. Правда и послѣ происходили мелкія сходки, обыкновенно на разсвѣтѣ или ночью, но онѣ были немногочисленны (отъ 100—400 чел.) и могли поддержать настроеніе лишь небольшой части рабочихъ. Весь Темерникъ былъ оцѣпленъ войсками, по улицамъ разъѣзжали казачьи патрули и разгоняли всѣхъ не позволяя собиратся даже тремъ человѣкамъ. Наступило царство нагайки: двѣ съ половиной тысячи казаковъ, вся полиція, шпіоны и жандармы были выставлены противъ 4000 рабочихъ, отрѣзанныхъ отъ остальныхъ своихъ братьевъ, лишенныхъ возможности собираться, чтобы противустоять грубой силѣ самодержавной нагайки. Борьба была неравна и нужно только удивляться геройской стойкости рабочихъ, которые продержались еще 10 дней. Съ 17

статочно рабочихъ, чтобы работы не прекращались совершенно; тѣмъ временемъ стачечники, изнуренные голодомъ и разными лишеніями, раздраженные присутствіемъ скэбовъ (замѣняющихъ стачечниковъ) начнутъ бунтовать. Тогда мы отъ правительства потребуемъ войска для водворенія порядка. Это сломитъ упорство рабочихъ". Это откровенное заявленіе г. Бэра очень характерно. Оно ясно и рельефно обнаруживаетъ методы (способы), къ которымъ въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ обыкновенно капиталисты. Но на этотъ разъ г. Бэръ ошибся. Углекопы не пожелали доставить ему удовольствія и не давали повода для кровопролитія.

Милиція, правда, была вызвана, но при всемъ ея стараніи пресловутый порядокъ не нарушался, хотя углекопы упорно отстаивали свои интересы и не сдавались. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ этомъ отношеніи организація углекоповъ находится въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія рабочія организаціи.

Одно изъ самыхъ главныхъ условій веденія крупной стачки, несомнѣнно—организованность, солидарность и вообще тѣсная связь между рабочими, составляющими армію борцовъ. Создать такую связь между углекопами до сихъ поръ трудно удавалось. Въ погонѣ за дешевой рабочей силой и рабами, которыхъ можно было-бы съ успѣхомъ противупоставить строптивымъ американцамъ, владѣльцы угольныхъ копей привлекли въ свои районы мало культурные элементы со всѣхъ концовъ земли. Въ результатѣ оказалось что большинство углекоповъ иностранцы, которые въ культурномъ отношеніи не только ниже американцевъ, не только не понимаютъ ихъ потребностей, привычекъ и обычаевъ, но не знаютъ и ихъ языка. Какъ тутъ объединить въ одну сильную организацію эти разнообразнѣйшіе элементы, когда поляки не понимаютъ венгерцевъ, венгерцы — итальянцевъ, послѣдніе — словаковъ, а всѣ вмѣстѣ не понимаютъ американцевъ, ихъ вождей и организаторовъ? Въ этомъ отчасти лежала причина почти постоянныхъ пораженій, которыя терпѣли углекопы въ борьбѣ за лучшія условія жизни. И если теперь „союзъ углекоповъ" несмотря на такое разнообразіе составляющихъ его элементовъ одержалъ блестящую побѣду надъ могущественнымъ трэстомъ, то главная заслуга въ этомъ по праву принадлежитъ президенту союза, энергичному вождю углекоповъ, Джону Митчелю.

Насколько можно видѣть изъ отчета, представленнаго секретаремъ на послѣднемъ конгрессѣ (1901 г.) этого союза, въ 1898 г. (когда Митчель былъ избранъ президентомъ) платящихъ членовъ организаціи было не болѣе 50.000, но съ 1898 по 1901 г. число это возросло до 250.000. Въ этотъ союзъ входятъ рабочіе каменноугольныхъ и антрацитовыхъ копей. Съ хозяевами первыхъ рабочіе живутъ сравнительно въ мирѣ. Благодаря тому, что хозяева признаютъ союзъ, рабочіе въ этомъ районѣ добились сравнительно болѣе сносныхъ условій, какъ въ отношеніи платы, такъ и въ отношеніи рабочаго времени. Не то въ районѣ антрацитовыхъ копей, лежащихъ главнымъ образомъ въ штатѣ Пенсильваніи. Могучій трэстъ, владѣющій почти всѣми копями, упорно не признавалъ организаціи рабочихъ, предпочитая вести переговоры съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Несмотря на болѣе тяжелыя условія труда въ антрацитовыхъ копяхъ, рабочіе получали меньшую плату и имѣли болѣе длинный рабочій день. Всѣ старанія союза добиться какихъ-нибудь улучшеній кончились ничѣмъ. Рабочіе, теряя терпѣніе, рвались на борьбу и, если бы не энергичное противодѣйствіе Митчеля, стачка началась бы еще въ прошломъ году. Но Митчель требовалъ мира не для мира. Какъ талантливый организаторъ и дальновидный человѣкъ, онъ хотѣлъ мира, чтобы выиграть время для приготовленія къ войнѣ. Онъ зналъ силу и могущество своего противника. Онъ зналъ, что отъ него онъ не можетъ ждать пощады. Когда позже состоялось рѣшеніе начать борьбу, углекопы были вполнѣ къ ней готовы.

Прежде, чѣмъ начать стачку, рабочіе передали свои требованія владѣльцамъ копей, предлагая имъ, предоставить обсужденіе ихъ конференціи, составленной изъ выборныхъ трэста и союза. Капиталисты, конечно, наотрѣзъ отказались. Тогда рабочіе предложили имъ передать рѣшеніе спорнаго вопроса третейскому суду. Капиталисты и этого не захотѣли. Послѣ этого стачка была формально объявлена.

Рабочіе требовали главнымъ образомъ: введенія 8-часов. рабочаго дня, увеличенія платы на 20 процентовъ и точнаго взвѣшиванія количества угля, доставляемаго каждымъ углекопомъ. До сихъ поръ уголь принимался въ вагонеткахъ, наполненныхъ до верху. Капиталисты, конечно, уже заботились о томъ, чтобы содержащагося въ нихъ угля было вдвое больше требуемыхъ по уговору 3 тоннъ. Требуя болѣе точнаго взвѣшиванія угля, рабочіе хотѣли также, чтобы при вѣсахъ находились ихъ представители, оплачиваемые изъ ихъ собственной кассы, которые слѣдили бы за тѣмъ, чтобы количество взвѣшиваемаго угля точно регистрировалось.

Стачка съ перваго же момента приняла крайне рѣшительный характеръ. Ни одна изъ сторонъ не проявляла склонности просить или давать пощаду. Во главѣ трэста стоялъ Бэръ, не только жестокій и неразборчивый въ средствахъ эксплуататоръ, но и принципіальный и непримиримый врагъ рабочихъ организацій. „Божественная премудрость"—говорилъ онъ какъ-то разъ: „снабдила капиталистовъ достаточными средствами, чтобы самимъ заботиться о своихъ рабочихъ".

Вождемъ рабочей арміи былъ Джонъ Митчель. Еще молодой, но полный энергіи и силъ человѣкъ, онъ, по всей вѣроятности, будетъ играть очень крупную роль въ здѣшнемъ рабочемъ движеніи. Самъ углекопъ, онъ испыталъ на себѣ всю тяжесть условій этого труда и лучше всякаго знаетъ нужды и потребности углекоповъ.

Выше было указано, какъ плодотворно повліяла его дѣя-

числа стачка вступаетъ въ новую эру. На Темерникѣ всюду было расклеено объявленіе полицеймейстера, приглашавшее явиться на работу 18-го (въ понедѣльникъ), а самое позднее 19-го. Въ противномъ случаѣ полицеймейстеръ грозилъ всею строгостью законовъ. Въ этотъ день на Нахаловкѣ (окраина города) состоялась сходка (около 1000 чел.), появился ораторъ и началъ произносить рѣчь; черезъ нѣкоторое время появились казаки и начали дѣйствовать нагайками, но были отбиты; прискакала еще сотня казаковъ, но и на этотъ разъ были отбиты камнями; наконецъ явилась третья партія башибузуковъ, и пришлось разойтись.

18 числа раздался гудокъ, нагло трубившій побѣду самодержавія надъ рабочими. Но торжество было преждевременно. На работу явилось только 50 „рабочихъ", у которыхъ изъ-подъ пальто торчали концы шашекъ, которыя во время спѣшки позабыли снять. На слѣдующій день гудокъ опять тревожно гудѣлъ, но явилось не болѣе 70 чел. Съ 20 числа начинается полный разгулъ казацкаго произвола. Казаки оцѣпляютъ цѣлые кварталы и арестовываютъ всѣхъ мужчинъ, которыхъ въ тотъ же день высылаютъ изъ города. Хуже всего тѣмъ, которыхъ высылаютъ на родину, но такихъ не много. Большинство—ростовскіе мѣщане и выслать ихъ на родину невозможно. Поэтому высылка ихъ принимаетъ водевильный характеръ: ихъ ссаживаютъ на сосѣднихъ станціяхъ, и они спокойно возвращаются въ городъ на слѣдующій день. 22 числа дальнѣйшая борьба рабочихъ становится немыслимой и на работу является около 1500 чел. Но по настоящему работа началась только 26 ч. Однако волненія продолжаются, продолжаются высылки, которыя затѣмъ смѣняются обысками и арестами. Съ 22 числа къ произволу присоединяется безстыдная ложь со стороны администраціи дороги. Рабочимъ былъ обѣщанъ рядъ уступокъ, но черезъ недѣлю имъ объявили, что они ведутъ себя неспокойно, а поэтому (!) уступки отсрочены. Эта исторія повторялась два раза. Курьезнѣе всего, что въ воскресенье 24 нобяря, во время молебна, начальникъ мастерскихъ Дзевонскій заявилъ: „Я ужъ 13 лѣтъ, какъ вышелъ изъ института, и за все это время ни разу не обманывалъ рабочихъ".

11-го декабря явился въ Ростовъ фонъ-Валь, посѣтилъ мастерскія. Ни одинъ рабочій не поклонился, все время работали, стоя спиной къ этому палачу, окруженному со всѣхъ сторонъ жандармами и полиціей.

Заключительный актъ стачки произошелъ 13 декабря. Къ управляющему дорогой была отправлена депутація, чтобы узнать о результатахъ. Онъ заявилъ, что, если рабочіе будутъ вести себя смирно и среди нихъ не будетъ появ-

тельность на ростъ союза углекоповъ; но организаторскій талантъ и способности вождя проявились только во время описываемой стачки. Какъ разумный тактикъ, онъ зналъ, что отъ рѣшительности и быстроты перваго натиска зависитъ, главнымъ образомъ, дальнѣйшее развитіе и, пожалуй, исходъ стачки; поэтому, не тратя времени на дипломатическіе переговоры съ хозяевами, не разбивая своей арміи на небольшіе отряды, какъ это дѣлалъ Шефферъ въ стачкѣ рабочихъ по обработкѣ стали, онъ сразу вызвалъ болѣе 100000 рабочихъ на стачку, оставивъ лишь машинистовъ и рабочихъ при насосахъ. Если бы послѣдніе сразу присоединились къ стачкѣ, копи наполнились бы водой. Митчель оставилъ ихъ на время, надѣясь, что капиталисты сдадутся. Но они не сдавались; мало того: они разослали агентовъ по всей странѣ нанимать рабочихъ; они выписали тысячи частно-наемныхъ полицейскихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, будто для обереганья ихъ собственности, но на самомъ дѣлѣ—для обереганья скэбовъ и провоцированія*) стачечниковъ.

Митчелю ничего другого не оставалось, какъ вызвать и остальныхъ рабочихъ на стачку, что онъ немедленно и сдѣлалъ.

Борьба стала разгораться все болѣе и болѣе; 150.000 рабочихъ, какъ грозная армія, стояла въ поляхъ Пенсильваніи, рѣшившись преодолѣвать и голодъ, и холодъ, и всяческія другія лишенія, чтобы добиться признанія своихъ правъ и улучшенія своего положенія. Ихъ противниками были только нѣсколько магнатовъ (вельможа, крупный помѣщикъ или предприниматель), но эти магнаты обладали несмѣтными богатствами и крупнымъ политическимъ вліяніемъ. Послѣдніе старались всякими способами дискредитировать (подорвать довѣріе) рабочихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ; они распространяли ложные слухи о буйствѣ, грабежахъ, пьянствѣ и т. д. Чтобы внести расколъ въ ряды стачечниковъ, они наводнили ихъ лагерь „рабочими газетами", въ которыхъ поносились ихъ вожди,—но все было напрасно, и ихъ старанія ни къ чему не привели.

Въ стачку начали вмѣшиваться, какъ это всегда бываетъ здѣсь, филантропы (благотворители) и разные другіе господа, ищущіе популярности, предлагая свое посредничество. Все безуспѣшно. Стачка затягивалась. Углекопы начали поговаривать о генеральной стачкѣ. Какъ я выше замѣтилъ, въ организаціи углекоповъ входили рабочіе не только антрацитовыхъ, но и каменноугольныхъ копей. Стачка охватывала лишь антрацитовый районъ; съ хозяевами другихъ копей углекопы жили въ мирѣ. Для обсужденія вопроса о генеральной стачкѣ углекоповъ былъ созванъ спеціальный съѣздъ представителей всей организаціи. Благодаря, главнымъ образомъ, настоянію Митчеля и его штаба, вопросъ о генеральной стачкѣ былъ рѣшенъ отрицательно. Для этого были у углекоповъ очень серьезныя основанія. Лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы рабочимъ удалось заставить хозяевъ каменноугольныхъ копей признать союзъ и заключить съ нимъ договоры, сравнительно очень выгодные для рабочихъ. Начни теперь углекопы этого района стачку, это означало бы нарушеніе контракта со стороны союза, что сильно подорвало бы его авторитетъ въ глазахъ капиталистовъ. Послѣдніе воспользовались бы въ борьбѣ противъ организацій рабочихъ.

Рабочіе всей Америки съ большимъ интересомъ и участіемъ слѣдили за ходомъ этой борьбы. Никогда раньше не проявляли они такой солидарности, какъ теперь. Чуть ли не во всѣхъ городахъ Америки организовались комитеты изъ представителей разныхъ рабочихъ организацій, которые собирали деньги для стачечниковъ. Сотни тыс. долларовъ отсылались въ ихъ кассу. Дѣло углекоповъ стало дѣломъ всего организованнаго пролетаріата Сѣв. Америки. Чѣмъ дольше затягивалась стачка, тѣмъ больше стали чувствоваться ея послѣдствія. Несмотря на постоянныя кичливыя увѣренія директоровъ трэста, что у нихъ есть достаточно рабочихъ, чтобы доставить на рынокъ сколько угодно угля, нужда въ немъ начала сильно чувствоваться, и цѣна на тонну отъ 5 съ лишн. долларовъ достигла до 25—30 дол., да и за эту цѣну не всегда можно было достать уголь въ нужномъ количествѣ. Многіе торговцы углемъ въ большихъ городахъ должны были закрыть свои склады. Много фабрикъ и заводовъ должны были прекратить производство. Положеніе становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ. Къ счастью, погода стояла теплая, но со дня на день ждали наступленія холодовъ, а тогда возмущенію и бунтамъ не было бы конца.

А борющіяся стороны сохраняли свои позиціи и не думали объ уступкахъ.

По иниціативѣ нѣсколькихъ мэровъ (город. головъ). состоялся съѣздъ представителей многихъ городовъ Америки для обсужденія положенія, вызваннаго стачкой, и средствъ помочь ей. Характерно, что съѣздъ этотъ, состоящій изъ самыхъ благонамѣренныхъ гражданъ, солидныхъ буржуа, очень далекихъ отъ „разрушительныхъ" тенденцій (склонностей) соціалистовъ, не могъ придумать ничего другого, какъ захватъ государствомъ всѣхъ угольныхъ копей.

Заволновались также политиканы всѣхъ партій и фракцій (части одной партіи, расходящіяся по второстепен. вопросамъ). Имъ нужно было такъ или иначе выяснить свое отношеніе къ стачкѣ. Приближался день выборовъ — 4 ноября — и всѣ понимали, что стачка будетъ центральнымъ пунктомъ политической агитаціи всѣхъ партій. Въ виду этого положеніе республиканцевъ было особенно критическое. Эту партію считали болѣе всего отвѣтственными за вызванное стачкой положеніе вещей не только потому, что они случайно въ данный моментъ господствующая партія въ странѣ, но главнымъ образомъ, потому, что они партія крупнаго капитала вообще и партія трестовъ въ частности. Республиканцы прекрасно понимали, что если ими не будутъ приняты энергичныя мѣры, чтобы прекратить стачку, то 4 ноября принесетъ имъ такое пораженіе, отъ котораго имъ, быть можетъ, впослѣдствіи долго ужъ не оправиться. И вотъ начинается компанія политикановъ.

Прежде всего пенсильванскій губернаторъ и пенсильванскіе члены конгреса стали обивать пороги магнатовъ трэста; къ нимъ присоединились скоро губернаторъ и крупные политиканы Нью-Іорка. Но всѣ ихъ конференціи, переговоры и совѣщанія ни къ чему не привели—стачка и возбужденіе продолжались по-прежнему. Оставалось одно средство и они рѣшили его испробовать: уговорить призидента Соединенныхъ Штатовъ повліяютъ на спорящія стороны.

Президентъ пригласилъ въ Вашингтонъ вождей рабочихъ и директоровъ трэста и обратился къ нимъ съ горячимъ воззваніемъ, указывая на то, что отъ стачки кромѣ спорящихъ сторонъ теряетъ третій элементъ—публика, въ интересахъ которой стачка должна прекратиться. Онъ апелировалъ къ

*) Т. е. для того, чтобы вызвать рабочихъ на какое-нибудь насильственное дѣйствіе; это нужно было капиталистамъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ, Бэра, для того, чтобы можно было пустить въ ходъ противъ стачечниковъ оружіе.

ляться никакихъ прокламацій, то онъ начнетъ послѣ перваго января ходатайствовать объ удовлетвореніи заявленныхъ рабочими требованій.

Между прочимъ, къ концу стачки присланъ въ мастерскія желѣзнодорожный батальонъ солдатъ. Солдаты—рабочіе очень сочувственно отнеслись къ своимъ товарищамъ и въ теченіи своего пребыванія въ мастерскихъ (3 нед.) запаслись изряднымъ количествомъ прокламацій и уѣхали назадъ.

Стачка ростовскихъ рабочихъ распространилась по всей линіи Владикавказской желѣзной дороги и всюду вызвала сочувствіе. Въ Тихорѣцкую было отправлено Донскимъ Комитетомъ нѣсколько организованныхъ рабочихъ съ прокламаціей, призывавшей къ забастовкѣ. 15 ноября тихорѣцкіе рабочіе бросили работу. Состоялись 3 сходки. Къ 17 ноября въ Тихорѣцкую нахлынули казаки, и здѣсь въ степи, вдали отъ крупныхъ центровъ, самодержавіе проявило все свое звѣрство. Точное количество жертвъ не извѣстно, но убитыхъ, вѣроятно, десятки и, быть можетъ, болѣе сотни раненыхъ. Мѣсто побоища было залито кровью. Казаки врывались въ рабочія квартиры, насиловали женщинъ, грабили (одну женщину при этомъ убили), бросали грудныхъ дѣтей изъ оконъ на улицу. Сотни рабочихъ были арестованы и заключены въ товарные вагоны. Наконецъ рабочихъ выбросили изъ квартиръ на улицу (здѣсь казенныя квартиры). Сопротивляться дольше было невозможно, хотя рабочіе геройски защищались.

Стачка распространилась и на Нновороссійскъ, куда проникли слухи о ростовскихъ событіяхъ.

чувству патріотизма и человѣколюбія капиталистовъ. Въ отвѣтъ на это г. Бэръ заявилъ, что не капиталисты отвѣтственны за стачку и ея послѣдствія, а власти, которыя не исполняютъ своихъ обязанностей. Они могли бы де имѣть сколько угодно рабочихъ и добывать сколько угодно угля, если бы въ районѣ было бы достаточно войска для охраны желающихъ работать отъ угрозъ и нападеній со стороны стачечниковъ. Митчель тутъ же назвалъ заявленіе Бэра полной ложью, такъ какъ солдатамъ некого было бы охранять,—у капиталистовъ нѣтъ рабочихъ.

Насколько сильна власть плутократіи (богатые классы) въ современномъ государствѣ и насколько услужливы власти ясно видно изъ слѣдующаго обстоятельства.

Казалось, что президентъ послѣ такого рѣзкаго и возмутительнаго отвѣта Бэра, полнаго упрековъ ему, покажетъ свою власть господамъ капиталистамъ или, во всякомъ случаѣ, не будетъ помогать имъ. Но, увы!—не успѣла конференція разойтись, какъ губернаторъ Пенсильваніи вызвалъ всю милицію штата и генералы, распредѣляя войска, отдали приказъ, слѣдить зорко, чтобы порядокъ не нарушался, и гдѣ надо, стрѣлять и убивать. Эта мѣра, поразившая всѣхъ своей безсмысленностью и неожиданностью, на стачку не имѣла никакого вліянія. Стачечники держались дружно и безукоризненно, а въ копяхъ по прежнему все оставалось мертво и безжизненно. Митчель былъ правъ: Бэръ, очевидно, лгалъ, когда говорилъ, что подъ сильной военной охраной нашлось бы достаточно углекоповъ, чтобы продолжать работы въ копяхъ.

Нужда въ углѣ тѣмъ временемъ все усиливалась. Всѣ ждали отъ президента рѣшительныхъ мѣръ, чтобы прекратить стачку.

Въ это время явился въ Нью-Іоркъ Рутъ, правая рука президента Рузевельта, министръ въ его кабинетѣ (кабинетомъ называется весь составъ министровъ), для переговоровъ съ П. Морганомъ, однимъ изъ крупныхъ финанс. тузовъ Америки. Онъ имѣетъ безграничное вліяніе на биржѣ и связанъ со многими крупными трэстами. Всѣ знали, что одного слова Моргана было бы достаточно, чтобы заставить магнатовъ угольнаго трэста подчиниться требованію публики. О чемъ совѣщались Рутъ съ Морганомъ, публикѣ осталось неизвѣстнымъ. Но результатъ конференціи былъ ясенъ: капиталисты согласились на предложеніе президента — передать спорный вопросъ третейскому суду.

Они пытались правда, ограничить свободу президента въ выборѣ суда; но Митчель категорически заявилъ, что онъ согласится на третейскій судъ лишь въ томъ случаѣ, если президентъ сумѣетъ выбрать членовъ суда не подъ диктовку капиталистовъ. На это президентъ ему отвѣтилъ, что онъ совершенно свободенъ въ этомъ отношеніи и передалъ ему списокъ лицъ, которыхъ онъ думаетъ пригласить. Тогда Митчель созвалъ представителей углекоповъ, которые послѣ непродолжительныхъ дебатовъ санкціонировали дѣйствія Митчеля.

Такимъ образомъ эта громадная стачка кончилась блестящей побѣдой. Если даже не всѣ требованія рабочихъ будутъ удовлетворены судомъ, побѣда углекоповъ все-таки громадна въ виду того, что капиталисты, согласившись на третейскій судъ, косвенно признали союзъ углекоповъ.

Крупная промышленность развивается въ Америкѣ съ невѣроятной быстротой. Трэсты и крупныя комбинаціи (крупныя о-ва капиталистовъ) капиталистовъ возникаютъ вездѣ, овладѣвая одной отраслью за другой. Рядомъ и параллельно съ этимъ происходитъ процессъ все большаго сплачиванія рабочихъ массъ. Борьба, даже стачечная, принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ борьбы двухъ классовъ. Почти въ каждой крупной стачкѣ затрагиваются интересы съ одной стороны всего рабочаго класса, а съ другой—класса капиталистовъ. Каждая такая стачка не только нарушаетъ мирное развитіе экономической и политической жизни страны, но также напоминаетъ, какъ подземный гулъ передъ изверженіемъ вулкана, приближеніе соціальной катастрофы. Буржуазные и вполнѣ благонамѣренные представители городовъ, застигнутые врасплохъ стачкой, не находятъ другого средства для предотвращенія вызваннаго стачкой общественнаго зла, какъ захватъ государствомъ копей—это въ моментъ стачки углекоповъ. Когда рабочіе по обработкѣ стали пойдутъ въ стачку, государству надо будетъ захватить въ свои руки стальной трэстъ и т. д.

Но это одна сторона вопроса. Съ другой стороны рабочіе въ этой стачкѣ могли ясно видѣть, что государство—очень крупный факторъ для рѣшенія т. н. рабочаго вопроса, и еще до захвата имъ различныхъ отраслей промышленности рабочимъ не можетъ быть безразлично, кто владѣетъ государственной машиной. Сенаторы, губернаторы, самъ президентъ бѣгали, волновались, но ничего не могли сдѣлать по той простой причинѣ, что ничего существеннаго и не хотѣли сдѣлать. И республиканская, и демократическая партія — политическія организаціи капиталистовъ. Политиканы оказались въ такомъ безпомощномъ положеніи потому, что съ одной стороны хотѣли показать рабочимъ, что они ихъ друзья, но такъ, чтобы съ другой стороны интересы капиталистовъ не пострадали.

Рабочіе могутъ разсчитывать на государство лишь въ томъ случаѣ, если машина его будетъ въ ихъ рукахъ. Соціалисты также не бездѣйствовали во время стачки. Въ то время, какъ республиканскіе и демократическіе политиканы фиглярничали передъ рабочими, притворяясь ихъ друзьями, соціалистическіе ораторы съ большимъ успѣхомъ агитировали въ районѣ стачки. Никогда еще соціалистическія собранія не посѣщались такими массами въ тѣхъ мѣстахъ; никогда тамъ слова соціалистовъ не вызывали такого энтузіазма! Насколько агитація соціалистовъ была успѣшна, видно изъ петиціи, которую филадельфійскіе купцы подали губернатору. Прося его, чтобы онъ употребилъ всю свою власть и вліяніе, чтобы прекратить стачку, они, между прочимъ, такъ говорятъ: „Если стачка не прекратится немедленно, слѣдующіе выборы ознаменуются такимъ радикализмомъ, подобнаго которому нашъ штатъ еще не видѣлъ. Соціалистическая партія сдѣлалась могущественнымъ факторомъ въ политикѣ нашего района“.

(Перепечатано изъ „Искры“ № 28).

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

Послѣ демонстраціи 5-го мая политическая жизнь нашего города начинаетъ затихать. Причиной этого помимо массовыхъ арестовъ былъ еще все разроставшійся кризисъ металлургической промышленности. Заводы продолжали разсчитывать рабочихъ, причемъ само собою разумѣется, капиталисты склонны были удалять наиболѣе сознательныхъ рабочихъ и замѣнять ихъ пришлыми, менѣе культурными и менѣе требовательными. Заработная плата сильно упала, такъ напр., на Брянскомъ заводѣ расцѣнки понизились въ 3—4 раза, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ—въ 2 раза слишкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій день не уменьшился, а очень сильно увеличился. Это и понятно: При такихъ низкихъ расцѣнкахъ рабочій можетъ просуществовать только въ томъ случаѣ, если будетъ работать сверхурочную работу. И вотъ мы видимъ яркое проявленіе одного изъ противорѣчій капиталистическаго строя. Работа на заводахъ сокращается. Резервная армія безработныхъ растетъ со страшной быстротой. А въ это время, занятые на заводахъ рабчіе работаютъ сверхурочное время, какъ будто капиталистъ не могъ бы найти рабочихъ, чтобы успѣть выполнить заказы. Рабочій день удлинился непомѣрно: бываютъ случаи непрерывной работы въ теченіе 36 часовъ. Пользуясь безработицей, капиталисты ухудшили и гигіеническую обстановку труда. На многихъ заводахъ теперь—въ январѣ мѣсяцѣ—работа происходитъ подъ открытымъ небомъ: такъ, напр., на дворѣ работаютъ нѣкоторые цехи Нижнеднѣпровскаго вагоностроительнаго казеннаго завода; то же самое и на Брянскомъ заводѣ; на трубопрокатномъ заводѣ крыша превратилась въ сплошную дыру; на заводѣ Эзау въ мастерскихъ такъ холодно, что замерзаетъ вода въ точилѣ и т. д.

Мы сказали, что въ политической жизни города наступило затишье. Но дѣятельность комитета отнюдь не прекращалась. За лѣтніе мѣсяцы комитетомъ были выпущены 4 и 5 номера летучаго листка (въ 4000 экз. каждый), прокламація объ истязаніи арестованныхъ на демонстраціи рабочихъ (5000 экз.), прокламація ко всѣмъ гражданамъ Екатеринослава по поводу грубаго обращенія жандармовъ съ политическими арестованными (4000 экз.); въ августѣ была распространена прокламація Южнаго рабочаго о террорѣ (1000 экз.). Съ августа мѣсяца выходъ прокламацій учащается. Съ этого времени вышли 6 и 7 номера летучаго листка и цѣлый рядъ прокламацій профессіональнаго характера: къ рабочимъ гвоздильнаго завода, Брянскаго, трубопрокатнаго, нижнеднѣпровскихъ вагонныхъ мастерскихъ, къ типографскимъ рабочимъ, къ рабочимъ завода Эзау, и эстомпажнаго завода, къ модисткамъ. Всѣ прокламаціи за исключеніемъ послѣднихъ — печатныя. Нѣкоторыя изъ этихъ прокламацій имѣли выдающійся успѣхъ среди рабочихъ и заставляли администрацію немедленно исправлять наиболѣе выдающіяся злоупотребленія. Такъ послѣ появленія прокламацій на заводѣ Эзау были удовлетворены всѣ выставленныя въ прокламаціяхъ требованія. Вообще же при сильномъ кризисѣ на заводахъ профессіональная борьба не

могла быть успѣшной. Наоборотъ—въ ремеслѣ былъ цѣлый рядъ забастовокъ, болѣе или менѣе удачныхъ. Изъ нихъ упомянемъ стачку заготовщиковъ въ 70 человѣкъ; главное требованіе—уменьшеніе рабочаго дня до 12 час. (раньше здѣсь работали 16—17 ч. въ сутки). Стачка была выиграна.

Кромѣ перечисленныхъ прокламацій профессіональнаго характера, комитетомъ были выпущены въ послѣднее время еще слѣдующія изданія: проэктъ программы для веденія пропаганды 300—400 экз., прокламація къ еврейскимъ рабочимъ (700 экз.), направленная противъ сіонистовъ, которые у насъ являются проповѣдниками только экономической борьбы. Затѣмъ комитетомъ была распространена прокламація Южнаго Рабочаго о судѣ надъ крестьянами и изданъ бюллетень о ростовской стачкѣ (2500 экз.).—Струя свѣжаго воздуха, внесенная ростовскими событіями, особенно сильно чувствовалась въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ: было время, когда можно было ожидать стачки.

Въ 20 числахъ декабря было арестовано человѣкъ 45. Многихъ отвезли въ Петербургъ. Взята „типографія“ безъ людей и безъ какихъ бы то ни было типографскихъ принадлежностей. Отдѣльно—на другой квартирѣ—арестованъ шрифтъ. Эти аресты организаціи комитета совершенно не затронули.

ХАРЬКОВЪ.

Въ противоположность 1901 г., закончившемуся въ Харьковѣ такъ бурно и шумно, конецъ 1902 г. прошелъ спокойно и тихо. Но время, небогатое внѣшними событіями, было плодотворно результатами внутренней дѣятельности. Старанія комитета были направлены на организаціонныя задачи. Исторія предыдущихъ лѣтъ показала необходимость созданія такой формы мѣстной организаціи, которая съ одной стороны облегчала бы мѣстную работу, съ другой—способствовала бы назрѣвшей необходимости общерусской организаціи партіи. Эта задача была разрѣшена комитетомъ довольно успѣшно, встрѣтивъ со стороны рабочихъ меньше сопротивленія, чѣмъ можно было ожидать. Въ большинствѣ случаевъ, гдѣ проэктъ комитета не былъ принятъ безусловно, это было скорѣе выжидательное, нерѣшительное, чѣмъ явно враждебное настроеніе. Планы комитета состоятъ въ томъ, чтобы упростить все зданіе мѣстной организаціи, отличавшееся прежде многосложностью, устранить по возможности выборное начало, войти въ болѣе непосредственныя сношенія съ рабочими, обезпечить исполненіе намѣреній комитета, дать перевѣсъ агитаціи передъ пропагандой.

Одновременно комитетъ выпустилъ заявленіе о своемъ согласіи въ принципіальныхъ, тактическихъ и организаціонныхъ вопросахъ съ газетой „Искрой“ и о своемъ рѣшеніи поддерживать этотъ органъ, который призванъ сослужить службу объединителя всей партіи. Вскорѣ затѣмъ харьковскій комитетъ призналъ организаціонный комитетъ.

За періодъ съ августа мѣсяца комитетъ выпустилъ между прочимъ слѣдующія гектогр. прокламаціи: 1) Къ рабочимъ кан. фабрики Карякина; 2 и 3) къ приказчикамъ; 4) по поводу покушенія на кн. Оболенскаго; 5 и 6) о судѣ надъ крестьянами въ Валкахъ къ рабочимъ и къ об-ву; 7) заявленіе комитета о согласіи съ „Искрой“; 8) по поводу смерти 2 раб. въ ж.-дор. мастерскихъ; 9) по поводу 14 дек.; 10) о ростовской стачкѣ; 11) къ раб. паров.-строит. завода о сверхур. работѣ и поштучной платѣ.

Осенью высланы были до приговора въ Вост. Сибирь прямо изъ тюрьмы: Потаповъ (главн. контрол. контр. палаты) и Харченко (земск. служ.). Первый просидѣлъ болѣе 6 мѣс., а второй полтора года.

Въ ночь съ 5 на 6 дек. арестованы были: студ.-техн.: Бабунинъ, Ефименко; студ. унив.: Пустовойтовъ, Стеткевичъ; интелл.: Лагуновъ, Крамарьевская, Левандовская, Карпенко, Кириллова, Протопова, Пузанова; раб.: Ивановъ и Крафтъ. Раньше арест. были: Саксоновъ Ромашкинъ, Морозовъ, Никулинъ (рабочіе) и Цедербаумъ (интел., отправленъ въ Петерб.). Былъ взятъ также и скоро выпущенъ студ. Доброхотовъ.

Высланы въ Вост. Сиб. до приг., арестованные еще весной инт.: Антоновъ, Крушель (быв. технол.) и Бакшеева (фельд.).

Изъ событій, стоящихъ внѣ сферы дѣятельности комитета, обращаетъ на себя вниманіе новое возрожденіе профессіональнаго движенія. Начало его можно прослѣдить въ Х. за много лѣтъ назадъ. Связывалось оно обыкновенно съ дѣятельностью рабочихъ, переселившихся въ Хар. изъ Иванова-Вознесенска, вслѣдствіе чего имя иваново-вознесенцевъ стало нарицательнымъ для профессіоналовъ вообще. Теченіе это никогда не умирало вполнѣ, но только затихало по временамъ, чтобы затѣмъ снова возродиться то въ видѣ чисто профессіональнаго движенія, то въ видѣ „экономическаго“ направленія въ соц.-демократіи. Новое возрожденіе его, происшедшее въ концѣ 1902 г., носитъ исключительно профессіональный характеръ. Въ заявленіи, съ которымъ группа выступила, вы напрасно искали бы намековъ или упоминаній о соціализмѣ, соц.-дем. партіи — конечныхъ цѣляхъ рабочаго класса и т. д. „Положеніе рабочихъ тяжело. Изъ всѣхъ средствъ улучшить его положеніе наиболѣе важное и дѣйствительное—организація рабочихъ въ профессіональные союзы: потребительныя об-ва и об-ва взаимопомощи. Каждая мастерская образуетъ кассу ежемѣс. взносами. Эти кассы соединяются по профессіямъ въ „профессіональныя кассы“, а представители этихъ послѣднихъ образуютъ уже „промышленный рабочій союзъ“ города. Средство, которымъ эти союзы могутъ бороться съ капиталистами —стачка“. Таково приблизительно содержаніе „заявленія“ и выпущенныхъ вслѣдъ за тѣмъ „листковъ рабочихъ кассъ“.

Увы, много, много лѣтъ проспали харьковскіе профессіоналы, проспали всю послѣднюю исторію русскаго рабочаго движенія и проснулись теперь такими чуждыми этому движенію, что для нихъ даже жандармскія управленія являются только „чуждыми имъ учрежденіями“, какъ сказано въ одномъ мѣстѣ заявленія.

Изъ внѣшнихъ событій, произведшихъ большее или меньшее волненіе за послѣдніе м-цы, можно упомянуть только о 2. Первое имѣло мѣсто въ началѣ октября 1902 г. Въ ж.-д. мастерскихъ мастеръ послалъ 2 раб. чистить яму, въ к-ую вставляютъ дымогарныя трубы при паяніи. Никакихъ приспособленій для чистки не было устроено. Рабочіе спустились на дно и черезъ нѣсколько минутъ задохлись отъ угарнаго газа, скопившагося на днѣ. Похороны были демонстративныя съ участіемъ тысячъ раб. Это было отвѣтомъ со стороны раб. на заявленіе администраціи, желавшей сложить съ себя отвѣтственность, будто рабочіе полѣзли въ яму безъ разрѣшенія мастера, съ цѣлью красть мѣдь.—Второе событіе произошло недавно, 11 янв. 1903 г. Въ одномъ интел. домѣ собрались знакомые, съ цѣлью почитать Нитше и потолковать о его взглядахъ. Въ 12 ч. ночи явился приставъ съ 10 городов. и переписалъ всѣхъ гостей. Это нахальство полиціи вызвало въ городѣ массу разговоровъ, т. к. въ числѣ гостей было нѣсколько извѣстныхъ всему Харькову лицъ.

Донской Комитетъ проситъ насъ напечатать слѣдующее: Гулянскій Василій Андреевъ, курскій крестьянинъ, объявляется провокаторомъ. Служитъ свыше 5 лѣтъ на Таганрогскомъ металлургическомъ заводѣ. Доказано, что предалъ по двумъ дѣламъ. Примѣты: лѣтъ 27—28, средняго роста, широкоплечій, согнутый, голова внизъ, худощавый, говоритъ съ малороссійскимъ акцентомъ (говору), черноватый, смуглый, бритый, съ большими усами, смотритъ изъ подлобья.

ОТЧЕТЪ.

Черезъ артиста на транспортъ 300 р.; отъ х-ца въ „Орг. Ком.“—250 р.. Для ростовскихъ стачечниковъ: изъ Питера—35 р.; изъ Харькова—10 р.; отъ хар. студент.—17 р.; отъ полтав. рабоч.—23 р. 55 к.; отъ группы полтав. интел—36 р. 25 к. Всѣ деньги переданы по назначенію.

Отъ моск. ком. за лит.—200 р.; тоже отъ пет. ком. — 200 р.; тоже отъ ниж.—40 р.; тоже отъ ник.—30 р.; тоже отъ донск. ком.—35 р.; тоже изъ К. — 7 р.; тоже изъ Полтавы—6 р.; тоже изъ Кишинева—5 р.; отъ товарища—200 р.; отъ Н П — 300 р.; отъ москвича—25 р.; отъ С З—50 р.; отъ подхалимова — 37 р.; отъ племянника — 10 р.; изъ мышиной норки—10 р.; изъ Ч. 20 р.; отъ херсонцевъ—27 р.; отъ Н Н—5 р.; отъ моск. стдента—5 р.; отъ „полковника Бѣлявскаго“—40 р.; отъ „поступающихъ“ — 5 р.; изъ Питера отъ К. Р.—20 р.; тоже отъ Н. И.—10 р. Всего — 1287 руб. Въ кассѣ — 628 руб. Всего — 1915 руб. Израсходовано — 1236 руб. Остается — 789 руб.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Въ Николаевѣ возобновилось изданіе мѣстнаго органа „Наше Дѣло“. Оставляя до слѣдующаго номера, какъ разборъ этого новаго изданія, такъ и опредѣленіе нашего отношенія къ подобнымъ мѣстнымъ изданіямъ вообще, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на одну оплошность, могущую подать поводъ къ недоразумѣнію. Подъ № 4 „Нашего Дѣла“ имѣется надпись „печатано въ типографіи Южнаго Рабочаго“. Не считая возможнымъ объяснить причину этой оплошности, мы принуждены заявить, что надпись эта сдѣлана безъ нашего разрѣшенія и что никакого отношенія къ газетѣ „Нашего Дѣла“ „группа Южнаго Рабочаго“ не имѣетъ